Смерть Ахиллеса

Автор:
Борис Акунин

Смерть Ахиллеса

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина #4

Роман Бориса Акунина «Смерть Ахиллеса» – это добротный детектив, приятный для не обременяющего мозг чтения и не раздражающий, в отличие от большинства его современных собратьев, глупостью или пошлостью.

В этой книге описывается расследование обстоятельств смерти всенародного любимца, генерала Соболева, сыщиком Эрастом Фандориным, а также приводится развернутая история превращения мальчика Ахимаса в закоренелого негодяя…

Борис Акунин

Смерть Ахиллеса

детектив о наемном убийце

Часть первая

Фандорин

Глава первая,

в которой звенья случайностей сплетаются в цепь судьбы

Едва утренний петербургский поезд, еще толком не вынырнув из клубов паровозного дыма, остановился у перрона Николаевского вокзала, едва кондукторы откинули лесенки и взяли под козырек, как из вагона первого класса на платформу спрыгнул молодой человек весьма примечательной наружности. Он словно сошел с картинки парижского журнала, воспевающего моды летнего сезона 1882 года: светло-песочный чесучовый костюм, широкополая шляпа итальянской соломки, остроносые туфли с белыми гамашами и серебряными кнопками, в руке – изящная тросточка с серебряным же набалдашником. Однако внимание привлекал не столько щегольской наряд пассажира, сколько импозантная, можно даже сказать, эффектная внешность. Молодой человек был высок, строен, широкоплеч, на мир смотрел ясными голубыми глазами, ему необычайно шли тонкие подкрученные усики, а черные, аккуратно причесанные волосы имели странную особенность – интригующе серебрились на висках.

Носильщики споро выгрузили принадлежавший молодому человеку багаж, который заслуживает отдельного описания. Помимо чемоданов и саквояжей на перрон вынесли складной велосипед, гимнастические гири и связки с книгами на разных языках. Последним из вагона спустился низенький, кривоногий азиат плотного телосложения с чрезвычайно важным толстощеким лицом. Он был одет в зеленую ливрею, очень плохо сочетавшуюся с деревянными сандалиями на ремешках и цветастым бумажным веером, что свисал на шелковом шнурке с его шеи. В руках коротышка держал четырехугольный лакированный горшок, в котором произрастала крошечная сосна, словно перенесшаяся на московский вокзал прямиком из царства лилипутов.

Оглядев скучные станционные строения, молодой человек с не вполне понятным волнением вдохнул прокопченный вокзальный воздух и прошептал: «Господи боже, шесть лет». Однако долго предаваться мечтательности ему не позволили. На пассажиров со столичного поезда уже налетели извозчики, по большей части из числа приписанных к московским гостиницам. В бой за красавца-брюнета, смотревшегося завидным клиентом, вступили лихачи из четырех гостиниц, что считались в первопрестольной самыми шикарными – «Метрополя», «Лоскутной»,

«Дрездена» и «Дюссо».

– А вот в «Метрополь» пожалуйте! – воскликнул первый. – Новейший отель по истинно европейскому обычаю! А для китайца вашего при нумере особая каморка имеется!

– Это не к-китаец, а японец, – объяснил молодой человек, причем обнаружилось, что он слегка заикается. – И я бы желал, чтобы он поселился вместе со мной.

– Так извольте к нам, в «Лоскутную»! – оттеснил конкурента плечом второй извозчик. – Ежели снимаете нумер от пяти рублей, доставляем бесплатно. Домчу с ветерком!

– В «Лоскутной» я когда-то останавливался, – сообщил молодой человек. – Хорошая гостиница.

– Зачем вам, барин, энтот муравейник, – вступил в схватку третий. – У нас в «Дрездене» тишь, благолепие, и окошки прямо на Тверскую, на дом князя-губернатора.

Пассажир заинтересовался:

– В самом деле? Это очень удобно. Я, видите ли, как раз должен служить у его сиятельства. Пожалуй…

– Эх, сударь! – вскричал последний из кучеров, молодой франт в малиновой жилетке, с набриолиненным до зеркального блеска пробором. – У Дюссо все наилучшие писатели останавливались – и Достоевский, и граф Толстой, и сам господин Крестовский.

Уловка гостиничного психолога, обратившего внимание на связки с книгами, удалась. Красавец-брюнет ахнул:

– Неужто граф Толстой?

– А как же, чуть в Москву пожалуют, так первым делом к нам-с. – Малиновый уже подхватил два чемодана и деловито прикрикнул на японца. – Ходя-ходя, твоя за мной носи!

– Ну к Дюссо, так к Дюссо, – пожал плечами молодой человек, не ведая, что это его решение станет первым звеном в роковой цепочке последующих событий.

– Ах, Маса, как Москва-то переменилась, – все повторял по-японски красавчик, беспрестанно вертясь на кожаном сиденье пролетки. – Прямо не узнать. Мостовая вся булыжная, не то что в Токио. Сколько чистой публики! Смотри, это конка, она по маршруту ходит. И дама наверху, на империале! А прежде дам наверх не пускали – неприлично.

– Почему, господин? – спросил Маса, которого полностью звали Масахиро Сибата.

– Ну как же, чтоб с нижней площадки не подглядывали, когда дама по лесенке поднимается.

– Европейские глупости и варварство, – пожал плечами слуга. – А я вам, господин, вот что скажу. Как только прибудем на постоялый двор, надо будет поскорей куртизанку вызвать к вам, и чтоб непременно первого разряда. А мне можно третьего. Тут хорошие женщины. Высокие, толстые. Гораздо лучше японок.

– Отстань ты со своей ерундой, – рассердился молодой человек. – Слушать противно.

Японец неодобрительно покачал головой:

– Ну сколько можно печалиться по Мидори-сан? Вздыхать из-за женщины, которую никогда больше не увидишь – пустое занятие.

Но его хозяин все-таки вздохнул, а потом еще раз и, видно, чтобы отвлечься от грустных мыслей, спросил у кучера (как раз проезжали Страстной монастырь):

– А кому это на б-бульваре памятник поставили? Неужто лорду Байрону?

– Пушкин это, Александр Сергеич, – укоризненно обернулся возница. Молодой человек покраснел и опять залопотал что-то по-ненашему, обращаясь к косоглазому коротышке. Извозчик разобрал только трижды повторенное слово «Пусикин».

Гостиница «Дюссо» содержалась на манер самых лучших парижских – с ливрейным швейцаром у парадного подъезда, с просторным вестибюлем, где в кадках росли азалии и магнолии, с собственным рестораном. Пассажир с петербургского поезда снял хороший шестирублевый нумер с окнами на Театральный проезд, записался в книге коллежским асессором Эрастом Петровичем Фандориным и с любопытством подошел к большой черной доске, на которой по европейскому обыкновению были мелом написаны имена постояльцев.

Сверху крупно, с завитушками, число:

25 июля. Пятница ~ 7 Juliet, vendredi.[1 - 7 июля, пятница (фр.)]

Чуть ниже, на самом почетном месте, каллиграфически выведено:

Генерал-адьютант-от-инфантерии М.Д.Соболев ~ № 47.

– Не может быть! – воскликнул коллежский асессор. – Какая удача! – И, обернувшись к портье, спросил. – У себя ли его высокопревосходительство? Мы с ним д-давние знакомцы!

– Так точно, у себя-с, – поклонился служитель. – Только вчера въехали. Со свитой. Все угольное помещение заняли, вон за той дверью коридор весь ихний-с. Но пока почивают, и тревожить не велено-с.

– Мишель? В полдевятого утра? – изумился Фандорин. – Это на него непохоже. Впрочем, люди меняются. Извольте передать г-генералу, что я в нумере двадцатом – он непременно захочет меня видеть.

И молодой человек повернулся идти, но тут произошла еще одна случайность, которой суждено было стать вторым звеном в хитроумной вязи судьбы. Дверь, ведущая в занятый высоким гостем коридор, внезапно приоткрылась, и оттуда выглянул чернобровый и чубатый казачий офицер с орлиным носом и впалыми, синеватыми от небритости щеками.

– Человек! – зычно крикнул он, нетерпеливо тряхнув листком бумаги. – Пошли на телеграф депешу отправить. Живо!

– Гукмасов, вы? – Эраст Петрович распростер объятья. – Сколько лет, сколько зим! Что, все Патроклом при нашем Ахиллесе? И уже есаул. П-поздравляю!

Однако этот дружественный возглас не произвел на офицера никакого впечатления, а если и произвел, то неблагоприятное. Есаул обжег молодого щеголя недобрым взглядом черных цыганских глаз и ни слова больше не говоря захлопнул дверь. Фандорин так и застыл в нелепой позе с раскинутыми в стороны руками – будто хотел пуститься в пляс да передумал.

– В самом деле, – смущенно пробормотал он. – Как все п-переменилось – и город, и люди.

– Не прикажете ли завтрак в нумер? – спросил портье, делая вид, что не заметил асессорова конфуза.

– Нет, не нужно, – ответил тот. – Пусть лучше принесут из погреба ведро льду. А, пожалуй, что и д-два.

В номере, просторном и богато обставленном, постоялец повел себя весьма необычно. Он разделся догола, перевернулся вниз головой и, почти не касаясь стены ногами, десять раз отжался от пола на руках. Слугу-японца поведение господина ничуть не удивило. Приняв от коридорного два ведра, наполненные колотым льдом, азиат высыпал аккуратные серые кубы в ванну, налил туда холодной воды из медного крана и стал ждать, пока коллежский асессор закончит свою диковинную гимнастику.

Минуту спустя раскрасневшийся от экзерциций Фандорин вошел в ванную комнату и решительно опустился в устрашающую ледяную купель.

– Маса, достань вицмундир. Ордена. В бархатных коробочках. Поеду представляться князю.

Говорил он коротко, сквозь стиснутые зубы. Очевидно, купание требовало изрядных волевых усилий.

– К самому императорскому наместнику, вашему новому господину? – почтительно спросил Маса. – Тогда я достану и меч. Без меча никак невозможно. Одно дело – русский посол в Токио, которому вы служили раньше, с ним можно было не церемониться. И совсем другое – губернатор такого большого каменного города. Даже и не спорьте.

Он отлучился и вскоре вернулся с парадной чиновничьей шпагой, благоговейно неся ее на вытянутых руках.

Очевидно поняв, что спорить бесполезно, Эраст Петрович только вздохнул.

– Так как насчет куртизанки, господин? – спросил Маса, обеспокоено глядя на голубое от холода лицо хозяина. – Здоровье прежде всего.

– Пошел к черту. – Фандорин, клацая зубами, поднялся. – П-полотенце и одеваться.

* * *

– Входите, голубчик, входите. А мы вас тут поджидаем. Так сказать, тайный синедрион в полном составе, хе-хе.

Такими словами приветствовал принаряженного коллежского асессора всемогущий хозяин матушки-Москвы князь Владимир Андреевич Долгорукой.

– Да что ж вы стали на пороге? Пожалуйте вот сюда, в кресло. И зря в мундир вырядились, да еще при шпаге. Ко мне можно попросту, в сюртуке.

За шесть лет, которые Эраст Петрович провел в заграничных странствиях, старый генерал-губернатор сильно сдал. Каштановые кудри (явно искусственного происхождения) никак не желали прийти к соглашению с изборожденным глубокими морщинами лицом, в вислых усах и пышных бакенбардах подозрительно отсутствовали седые волоски, а чересчур молодецкая осанка наводила на мысль о корсете. Полтора десятка лет правил князь первопрестольной, правил мягко, но хватко, за что недруги называли его Юрием Долгоруким и Володей Большое Гнездо, а доброжелатели Владимиром Красно Солнышко.

– Вот и наш заморский гость, – сказал губернатор, – обращаясь к двум важным господам, военному и статскому, сидевшим в креслах подле необъятного письменного стола. – Мой новый чиновник особых поручений коллежский асессор Фандорин. Назначен ко мне из Петербурга, а прежде служил в нашем посольстве на самом краю света, в Японской империи. Знакомьтесь, голубчик, – обернулся князь к Фандорину. – Московский обер-полицеймейстер Караченцев Евгений Осипович. Опора законности и порядка. – Он жестом показал на рыжего свитского генерала со спокойным, цепким взглядом карих, чуть навыкате глаз. – А это мой Петруша, для вас Петр Парменович Хуртинский, надворный советник и правитель секретного отделения генерал-губернаторской канцелярии. Что на Москве ни случись, Петруша сразу узнаёт и мне доносит.

Пухлый господин лет сорока, с ювелирно уложенным зачесом на продолговатой голове, с подпертыми крахмальным воротничком сытыми щечками и сонно полуприкрытыми веками чинно кивнул.

– Я, голубчик, неслучайно вас именно в пятницу пожаловать попросил, – задушевно произнес губернатор.

– Как раз по пятницам в одиннадцатом часу у меня заведено разные секретно-деликатные дела обсуждать. Сейчас вот намечено тонкого вопроса коснуться – где достать денег на завершение росписи Храма. Святое дело, крест мой многолетний. – Он набожно перекрестился.

– Интриги там промеж художников, да и воровства хватает. Будем думать, как с московских толстосумов на богоугодное дело миллион вытрясти. Что ж, господа

секретчики, было вас двое, теперь будет трое. Как говорится, совет да любовь. Вы ведь, господин Фандорин, ко мне как раз для тайных дел назначены, не правда ли? Рекомендации у вас отличные, не по годам. Чувствуется, что человек вы бывалый.

Он испытующе глянул новенькому в глаза, но тот выдержал взгляд и даже, кажется, без особого трепета.

– Я ведь вас помню, – вновь превратился в доброго дедушку Долгорукой. – Был на вашем венчании, как же. Все, все помню… Возмужали, сильно переменились. Ну да и мы не молодеем. Присаживайтесь, голубчик, присаживайтесь, я церемоний не люблю…

И как бы ненароком пододвинул к себе формулярный список новичка – фамилию-то запомнил, да имя-отчество из головы выскочило. А в таких делах, знал опытнейший Владимир Андреевич, промашки давать нельзя. Всякому человеку обидно, когда его имя путают, и уж тем более ни к чему без нужды подчиненных обижать.

Эраст Петрович – вот как его звали, красавчика этого. При взгляде на раскрытый формуляр князь нахмурился, потому что список был нехорош. Опасностью попахивало от списка. Уже не раз и не два просмотрел генерал-губернатор личное дело своего нового сотрудника, а ясности не прибавилось.

Формуляр и в самом деле выглядел претаинственно. Ну, 26-ти лет, православного вероисповедания, потомственный дворянин, уроженец Москвы. Это ладно. По окончании гимназии, согласно прошению, приказом по московской полиции утвержден в чине коллежского регистратора и определен на должность письмоводителя в Сыскное управление. Это тоже понятно.

Но затем начинались сплошные чудеса. Что это, спрашивается, такое – уже через два месяца:

«За отличную усердную превосходную службу Всемилостивейше произведен вне всякой очереди в чин титулярного советника с зачислением по Министерству иностранных дел»!

А далее, в графе «награждения» и того пуще:

«Орден Св. Владимира 4 степени за дело „Азазель“ (секретный фонд Отдельного корпуса жандармов)»; «орден Св. Станислава 3 степени за дело „Турецкий гамбит“ (секретный фонд Военного министерства)»; «орден Св. Анны 4 степени за дело „Алмазная колесница“ (секретный фонд Министерства иностранных дел)».

Сплошные секреты!

Эраст Петрович деликатно, но зорко посматривал на высокое начальство и в минуту составил первое впечатление – в целом благоприятное. Стар князь, но из ума еще не выжил и, кажется, не без актерства. Не укрылось от внимания коллежского асессора и затруднение, обозначившееся на физиономии его сиятельства при просмотре формулярного списка. Фандорин сочувственно вздохнул, ибо, хотя своего личного дела не читал, но примерно представлял себе, что там может быть написано.

Воспользовавшись возникшей паузой, Эраст Петрович взглянул на двух чиновников, которым по долгу службы полагалось ведать всеми московскими тайнами.

Хуртинский ласково щурился, улыбался одними губами – вроде бы приветливо, но в то же время как бы и не тебе, а неким собственным мечтаниям. На улыбку надворного советника Эраст Петрович не ответил – этот тип людей он знал слишком хорошо и очень не любил.

Вот обер-полицеймейстер ему скорее понравился, и генералу Фандорин слегка улыбнулся – без малейшей, однако, искательности. Генерал учтиво покивал, но, странное дело, посматривал на молодого человека не без жалости.

Эраст Петрович над этим ломать голову не стал – со временем разъяснится – и снова обернулся к князю. Тот тоже вовсю участвовал в этом безмолвном, но, впрочем, не выходившим за рамки приличий смотринном ритуале.

На лбу у князя прорезалась одна особенно глубокая морщина, свидетельствовавшая о крайней степени задумчивости. Главная мысль у его сиятельства была сейчас такая: «А не камарилья ли тебя подослала, милый юноша? Не под меня ли копать? Очень похоже на то. Мало мне Караченцева».

А жалостливый взгляд обер-полицеймейстера был вызван обстоятельствами иного рода. В кармане у Евгения Осиповича лежало письмо от прямого начальника – директора департамента государственной полиции Плевако. Старый друг и покровитель Вячеслав Константинович писал приватным образом, что Фандорин – человечек толковый и заслуженный, в свое время пользовался доверием покойного государя и в особенности бывшего шефа жандармов, однако за годы заграничной службы от большой политики отстал и услан в Москву, ибо в столице применения ему не сыскалось. Евгению Осиповичу молодой человек на первый взгляд показался симпатичным – остроглазый такой, держится с достоинством. Не знает, бедняга, что высшие сферы на нем поставили крест. Приписали к старой калоше, вскорости предназначенной на помойку. Такие вот думы были у генерала Караченцева.

А о чем думал Петр Парменович Хуртинский – бог весть. Больно уж таинственного хода мысли был мужчина.

Немой сцене положило конец появление нового персонажа, бесшумно выплывшего откуда-то из внутренних губернаторских покоев. Это был высокий тощий старик в потертой ливрее с лысым блестящим черепом и лоснящимися расчесанными бакенбардами. В руках старик держал серебряный поднос с какими-то склянками и стаканчиками.

– Ваше сиятельство, – сварливо сказал ливрейный.

– Пора от запора отвар кушать. Сами потом жаловаться станете, что Фрол не заставил. Забыли, как вчера-то кряхтели да плакались? То-то. Нут-ко, ротик раскройте. Такой же тиран, как мой Маса, подумал Фандорин, хотя обличья прямо противоположного. И что за порода этакая на нашу голову!

– Да-да, Фролушка, – сразу же капитулировал князь.

– Я выпью, выпью. Это, Эраст Петрович, мой камердинер Ведищев Фрол Григорьич. С младых ногтей меня опекает. А вы что же, господа? Не угодно ли? Славный травничек. На вкус гадкий, но от несварения исключительно помогает и работу кишечника стимулирует превосходнейшим образом. Фрол, налей-ка им.

Караченцев и Фандорин от травничка наотрез отказались, а Хуртинский выпил и даже уверил, что вкус не лишен своеобразной приятности.

Фрол дал князю запить отвар сладкой наливочкой и закусить тартинкой (Хуртинскому не предложил), вытер его сиятельству губы батистовой салфеточкой.

– Ну-с, Эраст Петрович, какими же такими особыми поручениями мне вас занять? Ума не приложу, – развел руками замаслившийся от наливочки Долгорукой. – Советников по таинственным делам у меня, как видите, хватает. Ну да ничего, не тушуйтесь. Обживитесь, присмотритесь…

Он неопределенно махнул и мысленно прибавил: «А мы пока разберемся, что ты за воробей».

Тут допотопные, с измаильским барельефом, часы гулко пробили одиннадцать раз, и подстегнулось третье звено, замкнувшее фатальную цепочку совпадений.

Дверь, что вела в приемную, распахнулась безо всякого стука, и в щель просунулась перекошенная физиономия секретаря. По кабинету пронесся невидимый, но безошибочный ток Чрезвычайного События.

– Ваше сиятельство, беда! – дрожащим голосом объявил чиновник. – Генерал Соболев умер! Тут его личный ординарец есаул Гукмасов.

На присутствующих эта новость подействовала по-разному – в соответствии со складом натуры. Генерал-губернатор махнул на скорбного вестника рукой – мол, изыди, не желаю верить – и той же рукой перекрестился. Начальник секретного отделения на миг приоткрыл глаза в полную ширину и немедленно опять смежил веки. Рыжий обер-полицеймейстер вскочил на ноги, а на лице коллежского асессора отразились два чувства: сначала сильнейшее волнение, а

сразу вслед за тем глубокая задумчивость, не покидавшая его в продолжение всей последующей сцены.

– Ты зови есаула-то, Иннокентий, – мягко велел секретарю Долгорукой. – Вот ведь горе какое.

В комнату, чеканя шаг и звеня шпорами, вошел давешний лихой офицер, что не пожелал в гостинице броситься в объятья Эрасту Петровичу. Теперь он был чисто выбрит, в парадном лейб-казацком мундире и при целом иконостасе крестов и медалей.

– Ваше высокопревосходительство, старший ординарец генерал-адъютанта Михал Дмитрича Соболева есаул Гукмасов! – представился офицер. – Горестная весть… – Он сделал над собой усилие, дернул разбойничьим черным усом и продолжил. – Господин командующий 4-ым корпусом прибыл вчера из Минска проездом в свое рязанское имение и остановился в гостинице «Дюссо». Сегодня утром Михал Дмитрич долго не выходил из номера. Мы забеспокоились, стали стучать – не отвечает. Тогда осмелились войти, а он… – Есаул сделал еще одно титаническое усилие и добился-таки, договорил, так и не дрогнув голосом. – А господин генерал в кресле сидит. Мертвый… Вызвали врача. Говорит, ничего нельзя сделать. Уж и тело остыло.

– Ай-ай-ай, – подпер щеку губернатор. – Как же это? Ведь Михаил Дмитриевич молод. Поди, и сорока нет?

– Тридцать восемь ему было, тридцать девятый, – тем же напряженным, вот-вот сорвется, голосом доложил Гукмасов и быстро заморгал.

– А что за причина смерти? – спросил Караченцев, нахмурившись. – Разве генерал болел?

– Никак нет. Был здоров, бодр и весел. Врач предполагает удар либо паралич сердца.

– Ладно, ты иди, иди, – отпустил ординарца потрясенный известием князь. – Все, что нужно, сделаю и государя извещу. Иди. – А когда за есаулом закрылась

дверь, сокрушенно вздохнул. – Ох, господа, теперь начнется. Шутка ли – такой человек, любимец всей России. Да что России – вся Европа Белого Генерала знает… А я к нему сегодня с визитом собирался… Петруша, ты отошли депешу государю императору, ну, сам там сообразишь. Нет, наперед покажи мне. А после распорядись насчет траура, панихиды и… Ну, сам знаешь. Вы, Евгений Осипович, порядок мне обеспечьте. Как слух пройдет, вся Москва к Дюссо хлынет. Так смотрите, чтоб никого не передавили, расчувствовавшись. Я москвичей-то знаю. И чтоб чинно все было, прилично.

Обер-полицеймейстер кивнул и взял с кресла папку для доклада.

– Разрешите идти, ваше сиятельство?

– Ступайте. Охо-хо, шуму-то, шуму-то будет. – Князь вдруг встрепенулся. – А что, господа, ведь, пожалуй, и государь прибудет? Непременно прибудет! Ведь не кто-нибудь, сам герой Плевны и Туркестана Богу душу отдал. Рыцарь без страха и упрека, недаром Ахиллесом прозван. Дворец кремлевский надо подготовить. Это уж я сам…

Хуртинский и Караченцев подались к двери, готовые к исполнению полученных поручений, а коллежский асессор как ни в чем не бывало сидел в кресле и смотрел на князя с некоторым недоумением.

– Ах да, голубчик Эраст Петрович, – вспомнил про новенького Долгорукой. – Не до вас теперь, сами видите. Вы уж пока обвыкайтесь. Ну, и будьте близко. Может, поручу что-нибудь. Дела всем хватит. Ох, беда, беда…

– А что же, ваше сиятельство, расследования не б-будет? – внезапно спросил Фандорин. – Такое значительное лицо. И смерть странная. Надо бы разобраться.

– Какое еще расследование, – досадливо поморщился князь. – Говорят же вам, государь прибудет.

– Я однако же имею основания предполагать, что здесь дело нечисто, – с поразительным спокойствием заявил коллежский асессор.

Его слова произвели впечатление разорвавшейся гранаты.

– Что за нелепая фантазия! – вскричал Караченцев, разом утратив к молодому человеку всякую симпатию.

– Основания? – презрительно бросил Хуртинский. – Какие у вас могут быть основания? Откуда вы вообще можете что-либо знать?

Эраст Петрович на надворного советника даже не взглянул, а обратился прямо к губернатору:

– Изволите ли видеть, ваше сиятельство, по случайности я остановился как раз у Дюссо. Это раз. Михаила Дмитриевича я знаю с д-давних пор. Он всегда встает с рассветом, и вообразить, что генерал стал бы почивать до столь позднего часа, совершенно невозможно. Свита забеспокоилась бы уже в шесть утра. Это два. Я же видел есаула Гукмасова, которого тоже отлично знаю, в п-половине девятого. И он был небрит. Это три.

Здесь Фандорин сделал многозначительную паузу, словно последнее сообщение имело какую-то особенную важность.

– Небрит? И что с того? – недоуменно спросил обер-полицеймейстер.

– А то, ваше превосходительство, что никогда и ни при каких обстоятельствах Гукмасов не может быть небритым в половине девятого утра. Я прошел с этим человеком б-балканскую кампанию. Он аккуратен до педантизма и никогда не выходил из своей палатки не побрившись, даже если воды не было и приходилось растапливать снег. Полагаю, что Гукмасов с самого раннего утра знал, что его начальник мертв. Если знал, то почему так долго молчал? Это четыре. Надобно разобраться. Тем более, если приедет г-государь.

Последнее замечание, кажется, подействовало на губернатора сильнее всего.

– Что ж, Эраст Петрович прав, – сказал князь поднимаясь. – Тут дело государственное. Назначаю негласное расследование обстоятельств кончины генерал-адъютанта Соболева. И без вскрытия, видно, не обойтись. Но только смотрите, Евгений Осипович, аккуратненько, без огласки. И так слухов будет… Петруша, слухи будешь собирать и докладывать мне лично. Расследование, разумеется, проведет Евгений Осипович. Да, не забудьте насчет бальзамирования распорядиться. С героем многие проститься захотят, а лето

жаркое. Неровен час протухнет. Что же до вас, Эраст Петрович, то коли уж судьба поместила вас в «Дюссо» и коли вы так хорошо знали покойного, попробуйте разобраться в этом деле со своей стороны, действуя, так сказать, партикулярным образом. Благо вас в Москве пока не знают. Вы ведь чиновник особых поручений – так вот вам особое, уж особее не бывает.

Глава вторая,

в которой Фандорин приступает к расследованию

К расследованию обстоятельств смерти прославленного полководца и всенародного любимца Эраст Петрович приступил довольно странно. С превеликим трудом прорвавшись в гостиницу, со всех сторон окруженную двойным кордоном полиции и скорбящими москвичами (горестные слухи испокон веку распространялись по древнему городу быстрей, чем ненасытные августовские пожары), молодой человек, не глядя ни вправо, ни влево, поднялся в свой двадцатый номер, бросил слуге фуражку и шпагу, а на расспросы лишь качнул головой. Привычный Маса понимающе поклонился и проворно расстелил на полу соломенную циновку. Куцую шпажонку почтительно обернул шелком и положил на шифоньер, сам же, ни слова не говоря, вышел в коридор и встал спиной к двери в позе грозного бога Фудомё, повелителя пламени. Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область своего пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рожает.

А тем временем Фандорин сидел на циновке и был абсолютно неподвижен. Колени ровно расставлены, тело расслаблено, кисти вывернуты ладонями вверх. Взгляд коллежского асессора был устремлен на собственный живот, если точнее – на нижнюю пуговицу вицмундира. Где-то там, под золотым двуглавым орлом, располагалась магическая точка тандэн, источник и центр духовной энергии. Если отрешиться от всех помыслов и всецело отдаться постижению самого себя, то в душе наступит просветление, и самая головоломная проблема предстанет в виде простом, ясном и разрешимом. Эраст Петрович изо всех сил старался отрешиться и просветлеть, что очень непросто и достигается лишь путем долгой тренировки. Природная живость мысли и проистекающая отсюда

нетерпеливость делали упражнение в самоконцентрации особенно трудным. Но, как сказал Конфуций, благородный муж идет не тем путем, что легок, а тем, что труден, и потому Фандорин упорно всматривался в проклятую пуговицу, дожидаясь результата.

Сначала мысли никак не желали отступать, а, наоборот, плескались и бились, как рыбешки на мелководье. Потом все внешние звуки постепенно стали отдаляться и исчезли вовсе, рыбешки уплыли на глубину, а в голове заклубился туман. Эраст Петрович разглядывал золотой металлический кружок с гербом и ни о чем не думал. Секунду, минуту или, может быть, час спустя императорский орел вдруг явственно качнул обеими головами, корона заиграла искорками, и Эраст Петрович встрепенулся. План действий составился сам собой.

Кликнув Масу, Фандорин велел подать сюртук и, пока переодевался, коротко объяснил своему вассалу, в чем суть дела.

Дальнейшие передвижения коллежского асессора ограничивались пределами гостиницы и происходили по маршруту: вестибюль – швейцарская – ресторан. Переговоры с гостиничной прислугой заняли не час и не два, так что у двери отсека, который в «Дюссо» уже прозвали «соболевским», Эраст Петрович появился ближе к вечеру, когда тени стали длинными, а солнечный свет густым и тягучим, как липовый мед.

Фандорин назвался жандарму, сторожившему вход в коридор, и был немедленно впущен в царство печали, где говорили только шепотом, а передвигались исключительно на цыпочках. Номер 47, куда вчера въехал, доблестный генерал, состоял из гостиной и спальни. В первой из комнат собралось довольно много народу – Эраст Петрович увидел Караченцева с чинами жандармерии, адъютантов и ординарцев покойного, управляющего гостиницей, а в углу, ткнувшись носом в портьеру, глухо рыдал камердинер Соболева, известный всей России Лукич. Все словно ждали чего-то, то и дело поглядывая на закрытую дверь спальни. К Фандорину подошел обер-полицеймейстер и вполголоса пробасил:

– Профессор судебной медицины Веллинг проводит вскрытие. Что-то долго очень. Поскорей бы уж.

Словно вняв пожеланию генерала, белая, с резными львиными мордами, дверь дернулась и со скрипом отворилась. В гостиной сразу стало очень тихо. На пороге появился седой господин с брыластым, недовольным лицом, в кожаном фартуке, над которым посверкивал эмалью аннинский крест.

– Ну вот, ваше превосходительство, кончено, – мрачно произнес брыластый, который, видимо, и был профессором Веллингом. – Могу изложить.

Генерал оглядел комнату и повеселевшим голосом сказал:

– Со мной войдут Фандорин, Гукмасов и вот вы. – Он небрежно мотнул подбородком на управляющего. – Остальных прошу дожидаться здесь.

Первое, что увидел Эраст Петрович, войдя в обитель смерти, – перетянутое черным шарфом зеркало в игривой бронзовой раме. Тело усопшего лежало на на кровати, а на столе, видимо, перетащенном из гостиной. Взглянув на очерченный белой простыней контур, Фандорин перекрестился и на минуту забыл о следствии, вспомнив красивого, храброго, сильного человека, которого знал когда-то и который теперь превратился в продолговатый предмет неясных очертаний.

– Дело очевидное, – сухо начал профессор. – Ничего подозрительного не обнаружено. Я еще сделаю анализы в лаборатории, но абсолютно уверен, что жизнедеятельность прекратилась в результате паралича сердечной мышцы. Налицо также паралич правого легкого, но это, вероятнее всего, не причина, а следствие. Смерть наступила мгновенно. Даже окажись рядом медик, спасти все равно не удалось бы.

– Но ведь он был молод и полон сил, прошел через огонь и воду! – Караченцев приблизился к столу и отвернул край простыни. – Неужто просто взял и умер?

Гукмасов отвернулся, чтобы не видеть мертвого лица своего начальника, а Эраст Петрович и управляющий, наоборот, подошли поближе. Лицо было спокойным и значительным. Даже знаменитые размашистые бакенбарды, по поводу которых так подшучивали либералы и насмешничали иностранные карикатуристы, в смерти пришлись кстати – обрамляли восковой лик и придавали ему еще больше величия.

– Ох, какой герой, истинный Ахиллес, – пробормотал управляющий, на французский манер рокоча буквой «р».

– Время смерти? – спросил Караченцев.

– Между первым и вторым часом ночи, – уверенно ответил Веллинг. – Не ранее, но и никак не позже. Генерал повернулся к есаулу:

– Что ж, теперь, когда причина смерти установлена, можно заняться деталями. Рассказывайте, Гукмасов. И поподробней.

Поподробней есаул, видимо, не умел. Его рассказ вышел коротким, но, впрочем, исчерпывающим:

– Прибыли с Брянского вокзала в шестом часу. Ми-хал Дмитрич отдохнул до вечера. В девять ужинали в здешнем ресторане. Потом поехали кататься по ночной Москве. Никуда не заезжали. Вскоре после полуночи Михал Дмитрич сказал, что желает вернуться в гостиницу. Хотел сделать какие-то записи, он над новым боевым уставом работал…

Гукмасов покосился на бюро, стоявшее подле окна. На откидной доске были разложены бумаги, чуть в стороне – небрежно отодвинутое полукресло. Евгений Осипович подошел, взял исписанный листок, уважительно покивал.

– Распоряжусь, чтобы всё собрали и переправили государю. Продолжайте, есаул.

– Господам офицерам Михал Дмитрич велел располагать собой. Сказал, что дойдет пешком, хочет прогуляться.

Караченцев насторожился:

– И вы отпустили генерала одного? Ночью? Довольно странно!

Он многозначительно взглянул на Фандорина, но того эта подробность, кажется, нисколько не заинтересовала – коллежский асессор подошел к бюро и зачем-то водил пальцем по бронзовому канделябру.

– Поди-ка с ним поспорь, – горько усмехнулся Гукмасов. – Я сунулся было – так глянул, что… Да ведь он, ваше превосходительство, не то что по Москве ночной, по горам турецким и степям текинским в одиночку разгуливал… – Есаул мрачно покрутил длинный ус. – До гостиницы-то Михал Дмитрич дошел. До утра вот не дожил…

– Как вы обнаружили тело? – спросил обер-полицеймейстер.

– Вот здесь сидел, – показал Гукмасов на полукресло. – Назад откинувшись. И перо на полу…

Караченцев присел на корточки, потрогал чернильные пятна на ковре. Вздохнул:

– Да уж, пути Господни…

Наступившую печальную паузу бесцеремонно нарушил Фандорин. Полуобернувшись к управляющему и по-прежнему поглаживая злосчастный канделябр, он громким шепотом спросил:

– А что это у вас электричество не заведено? Я еще давеча удивился. Такая современная г-гостиница, а даже газа нет – свечами нумера освещаете.

Француз принялся было объяснять, что со свечами бонтоннее, чем с газом, а электрическое освещение уже есть в ресторане и к осени непременно появится на этажах, но Караченцев прервал не относящуюся к делу болтовню сердитым покашливанием.

– А как провели ночь вы, есаул? – возобновил он допрос.

– Заехал к боевому товарищу, полковнику Дадашеву. Посидели, поговорили. В гостиницу вернулся на рассвете и сразу завалился спать.

– Да-да, – вставил Эраст Петрович, – ночной портье сказал мне, что вы вернулись уж засветло. Еще послали его за бутылкой сельтерской.

– Верно. Честно говоря, выпил лишнего. Горло пересохло. Я всегда рано встаю, а тут как на грех проспал. Сунулся с докладом к генералу – Лукич говорит, не

вставали еще. Я подумал, видно, заработался вчера Михал Дмитрич. Потом, в полдевятого уже, говорю – идем, Лукич, будить, а то осерчает. Да и непохоже на него. Входим сюда – а он раскинулся вот этак вот (Гукмасов откинул голову назад, зажмурил глаза и приоткрыл рот), и уж холодный. Вызвали врача, депешу в корпус послали… Тут-то вы меня, Эраст Петрович, и видели. Извините, что не поприветствовал старого товарища – сами понимаете, не до того было.

Вместо того, чтобы принять извинение, в котором, правду сказать, при подобных обстоятельствах и нужды никакой не было, Эраст Петрович чуть склонил голову на бок и, заложив руки за спину, сказал:

– А вот мне в здешней ресторации рассказали, будто вчера некая дама пела для его высокопревосходительства и якобы даже сидела за вашим столом. Кажется, известная на Москве особа? Если не ошибаюсь, Вандой зовут. И вроде бы вы все, включая и г-генерала, уехали с ней?

– Да, была какая-то певичка, – сухо ответил есаул. – Подвезли ее и высадили. А сами дальше поехали.

– Куда подвезли, в «Англию», в Столешников? – проявил удивительную осведомленность коллежский асессор. – Мне сказали, госпожа Ванда именно там к-квартирует?

Гукмасов сдвинул грозные брови, и голос его стал сухим чуть ли не до скрежета:

– Я Москву плохо знаю. Тут недалеко, в пять минут докатили.

Фандорин покивал и, очевидно, утратил интерес к есаулу – заметил возле кровати дверцу стенного сейфа. Подошел, повернул ручку, и дверца открылась.

– Что там, пуст? – спросил обер-полицеймейстер.

Эраст Петрович кивнул:

– Так точно, ваше превосходительство. Вон и ключ торчит.

– Что ж, – тряхнул рыжей головой Караченцев. – Бумаги, какие найдем, под сургуч. Там разберемся, что родственникам пойдет, что в министерство, а что и самому государю. Вы, профессор, вызывайте помощников и займитесь бальзамированием.

– Как, прямо здесь? – возмутился Веллинг. – Бальзамировать – это вам, господин генерал, не капусту квасить!

– А вы хотите, чтобы я тело через весь город к вам в академию перевозил? Выгляньте в окно, там яблоку упасть негде. Нет уж, располагайтесь здесь. Благодарю, есаул, вы свободны. А вы, – обратился он к управляющему, – исполняйте все пожелания господина профессора.

Когда Караченцев и Фандорин остались вдвоем, рыжий генерал взял молодого человека под локоть, отвел в сторонку от прикрытого простыней тела и вполголоса, словно покойник мог подслушать, спросил:

– Ну, что скажете? Насколько я мог понять по вашим вопросам и поведению, объяснения Гукмасова вас не удовлетворили. В чем вы видите неискренность? Ведь про свою утреннюю небритость он разъяснил вполне убедительно. Не находите? Проспал после ночной попойки – самое обычное дело.

– Гукмасов проспать не мог, – пожал плечами Фандорин. – Не той закалки человек. И уж тем более не сунулся бы, как он утверждает, с докладом к Соболеву, предварительно не приведя себя в порядок. Лжет есаул, это ясно. Но дело, ваше превосходительство…

– Евгений Осипович, – перебил его генерал, слушавший с чрезвычайным вниманием.

– Дело, Евгений Осипович, – с учтивым поклоном продолжил Фандорин, – еще серьезней, чем я думал. Соболев умер не здесь.

– Как это «не здесь»? – ахнул обер-полицеймейстер. – А где?

– Не знаю. Но позвольте спросить, почему ночной портье – а я с ним говорил – не видел, как Соболев вернулся?

– Возможно, куда-то отлучился и не хочет в этом признаваться, – возразил Караченцев, более для полемики, нежели всерьез.

– Невозможно, и чуть позже я объясню, почему. Но вот загадка, которой вы мне уж т-точно не разъясните. Если бы Соболев вернулся в нумер ночью, да еще после этого сидел за столом и что-то писал, он непременно зажег бы свечи. А вы посмотрите на канделябр – свечи-то целехоньки!

– В самом деле! – Генерал хлопнул себя по обтянутой тугими рейтузами ляжке. – Да вы, Эраст Петрович, молодцом. Зато из меня хорош сыщик. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Я ведь по жандармской части определен недавно, раньше по гвардейской кавалерии состоял. Что же, по-вашему, могло произойти?

Фандорин сосредоточенно подвигал вверх-вниз собольими бровями.

– Г-гадать не хочу, однако совершенно ясно, что после ужина Михаил Дмитриевич в нумер не заходил, так как к тому времени уже стемнело, а свеч, как мы знаем, он не зажигал. Да и официанты подтверждают, что Соболев и его свита уехали сразу же после трапезы. В то, что ночной портье, человек основательный и очень д-дорожащий своим местом, мог отлучиться и проглядеть возвращение генерала, я не верю.

– «Верю – не верю» – это не аргумент, – подзадорил коллежского асессора Евгений Осипович. – Вы мне факты давайте.

– Извольте, – улыбнулся Фандорин. – После полуночи дверь гостиницы запирается на щеколду. Выйти, если кто пожелает, можно свободно, а если угодно войти – надобно звонить в колокольчик.

– Вот это уже факт, – признал генерал. – Но продолжайте.

– Единственный момент, когда Соболев мог вернуться – это когда наш б-бравый есаул отослал портье за сельтерской. Однако, как нам известно, это произошло уже на рассвете, то есть никак не раньше четырех часов. Если же верить господину Веллингу (а почему мы должны сомневаться в суждении этого п-почтенного профессора?), Соболев к тому времени уже несколько часов был мертв. Каков вывод?

Глаза Караченцева блеснули недобрым блеском:

– Ну и каков же?

– Гукмасов отослал портье для того, чтоб можно было незаметно внести б-бездыханное тело Соболева. Подозреваю, что остальные офицеры свиты в это время находились снаружи.

– Так допросить их, мерзавцев, как следует! – взревел обер-полицеймейстер так грозно, что услыхали в соседней комнате – доносившийся оттуда невнятный гул разом затих.

– Бесполезно. Они сговорились. Потому и сообщили о смерти с таким опозданием – готовились. – Эраст Петрович дал собеседнику минутку остыть и осознать сказанное, а затем повернул беседу в другое русло. – Что за Ванда такая, которую все знают?

– Ну, все не все, а в определенных кругах особа известная. Немочка из Риги. Певица, красавица, не вполне кокотка, но что-то вроде этого. Этакая dame aux camelias.[2 - Дама с камелиями (фр.)]

– Караченцев энергично кивнул. – Ход ваших мыслей мне понятен. Эта самая Ванда нам все и прояснит. Распоряжусь, чтобы ее немедленно вызвали.

И генерал решительно двинулся к двери.

– Не советовал бы, – сказал ему в спину Фандорин.

– Если что и было, с полицией эта особа откровенничать не станет. И с офицерами она наверняка в сговоре. Разумеется, ежели вообще п-причастна к произошедшему. Давайте, Евгений Осипович, я уж сам с ней потолкую. В своем партикулярном качестве, а? Так где «Англия» находится? Угол Столешникова и Петровки?

– Да, тут пять минут. – Обер-полицеймейстер смотрел на молодого человека с явным удовольствием. – Буду ждать известий, Эраст Петрович. С Богом.

И коллежский асессор, осененный крестным знамением высокого начальства, вышел.

Глава третья,

в которой Фандорин играет в подлянку

Однако дойти в пять минут до «Англии» Эрасту Петровичу не удалось. В коридоре, за дверью рокового 47-го номера, его поджидал мрачный Гукмасов.

– Пожалуйте-ка ко мне на пару слов, – сказал он Фандорину и, крепко взяв молодого человека за локоть, завел в комнату, расположенную по соседству с генераловыми апартаментами.

Этот номер был как две капли воды похож на тот, который занимал сам Фандорин. На диване и стульях расположилось целое общество. Эраст Петрович обвел взглядом лица и узнал офицеров из свиты покойного, которых давеча видел в гостиной. Коллежский асессор приветствовал собрание легким поклоном, но ему никто не ответил, а в обращенных на него взглядах читалась явная враждебность. Тогда, Фандорин скрестил руки на груди, прислонился спиной к дверному косяку, и лицо его, в свою очередь, изменило выражение – из учтиво-приветливого разом стало, холодным и неприязненным.

– Господа, – строгим, даже торжественным тоном произнес есаул. – Позвольте представить вам Эраста Петровича Фандорина, которого я имею честь знать еще с турецкой войны. Ныне он состоит при московском генерал-губернаторе.

И опять никто из офицеров даже головы не наклонил. Эраст Петрович от повторного поклона тоже воздержался. Ждал, что последует дальше. Гукмасов обернулся к нему:

– А это, господин Фандорин, мои сослуживцы. Старший адъютант подполковник Баранов, адъютант поручик князь Эрдели, адъютант штабс-капитан князь Абадзиев, ординарец ротмистр Ушаков, ординарец корнет барон Эйхгольц, ординарец корнет Галл, ординарец сотник Марков.

– Я не запомню, – сказал на это Эраст Петрович.

– Это и не понадобится, – отрезал Гукмасов. – А всех этих господ я вам представил, потому что вы обязаны дать нам объяснение.

– Обязан? – насмешливо переспросил Фандорин. – Однако!

– Да, сударь. Извольте объяснить при всех, чем были вызваны оскорбительные расспросы, которым вы подвергли меня в присутствии обер-полицеймейстера.

Голос есаула был грозен, но коллежский асессор сохранил безмятежность, и даже всегдашнее его легкое заикание вдруг исчезло.

– Мои вопросы, есаул, были вызваны тем, что смерть Михаила Дмитриевича Соболева – событие государственной важности и даже более того, исторического масштаба. Это раз. – Фандорин укоризненно улыбнулся. – Вы же, Прохор Ахрамеевич, морочили нам голову, причем весьма неуклюже. Это два. Я имею поручение от князя Долгорукого разобраться в сем деле. Это три. И, можете быть уверены, разберусь, вы меня знаете. Это четыре. Или все-таки расскажете правду?

Кавказский князь в белой черкеске с серебряными газырями – вот только вспомнить бы, который из двух – вскочил с дивана.

– Раз-два-три-четыре! Господа! Этот филер, эта штафирка над нами издевается! Проша, клянусь матерью, я его сейчас…

– Сядь, Эрдели! – гаркнул Гукмасов, и кавказец тут же сел, нервно дергая подбородком.

– Я вас действительно знаю, Эраст Петрович. Знаю и уважаю. – Взгляд есаула был тяжел и мрачен. – Уважал вас и Михал Дмитрич. Если вам дорога его память, не суйтесь вы в это дело. Только хуже сделаете.

Фандорин ответил столь же искренне и серьезно:

– Ежели бы это касалось только меня и моего праздного любопытства, то я непременно исполнил бы вашу просьбу, но тут, извините, не могу – служба.

Гукмасов хрустнул за спиной сцепленными пальцами, прошелся по комнате, тренькая шпорами. Вновь остановился перед коллежским асессором.

– Ну, так и я не могу. Не могу допустить, чтобы вы продолжили разбирательство. Полиция – пускай, но только не вы. Ваши таланты, господин Фандорин, здесь слишком некстати. Учтите, я остановлю вас любыми средствами, невзирая на прошлое.

– Например, какими же, Прохор Ахрамеевич? – холодно осведомился Эраст Петрович.

– Да вот отличное средство! – снова встрял поручик Эрдели, вскакивая. – Вы, милостивый государь, оскорбили честь офицеров 4-го корпуса, и я вызываю вас на дуэль! Стреляться здесь и сейчас! Насмерть, через платок!

– Насколько я помню дуэльный артикул, – сухо произнес Фандорин, – условия поединка определяет тот, кого вызвали. Я, так и быть, сыграю с вами в эту глупую игру, но позже, когда закончу расследование. Можете присылать секундантов, я остановился в 20-ом нумере. До свиданья, господа.

Он хотел было повернуться, но Эрдели с криком «Так я заставлю же тебя стреляться!» подскочил к нему и хотел влепить пощечину. Эраст Петрович с удивительной ловкостью перехватил занесенную для удара руку и сжал запястье князя двумя пальцами – вроде бы несильно, но у поручика от боли перекосилось лицо.

– Мэррзавец! – фальцетом вскричал кавказец и замахнулся левой рукой. Фандорин оттолкнул неугомонного князя и брезгливо сказал:

– Не трудитесь. Будем считать, что пощечина уже нанесена. Я сам вызываю вас и заставлю заплатить за оскорбление кровью.

– Вот и отлично, – впервые разомкнул уста флегматичный штаб-офицер, которого Гукмасов представил как подполковника Баранова. – Называй свои

условия, Эрдели.

Потирая запястье, поручик ненавидяще процедил:

– Стреляемся сейчас. Через платок.

– Как это – через платок? – с интересом спросил Фандорин. – Я слышал про этот обычай, но, признаться, деталей не знаю.

– Очень просто, – любезно сказал ему подполковник. – Противники берутся свободной рукой за два противуположных конца обычного платка. Да вот хоть мой возьмите, он чистый. – И Баранов извлек из кармана большой носовой платок в красно-белую клетку. – Берут пистолеты. Гукмасов, где твои лепажи?

Есаул взял со стола продолговатый футляр, видно, приготовленный заранее, и откинул крышку. Блеснули длинные, инкрустированные стволы.

– Противники по жребию берут пистолет, – миролюбиво улыбаясь, продолжил Баранов. – Целятся – хотя с такого расстояния что же целиться? По команде стреляют. Вот, собственно, и всё.

– По жребию? – переспросил Фандорин. – То есть один пистолет заряжен, а второй нет?

– Разумеется, – кивнул подполковник. – В том-то и смысл. Иначе это была бы не дуэль, а двойное самоубийство.

– Что ж, – пожал плечами коллежский асессор. – Тогда мне жаль поручика. Не было случая, чтобы я проиграл по жребию.

– На все воля божья, а говорить так дурная примета, сглазите, – наставительно заметил Баранов.

Пожалуй, все-таки он здесь главный, а не Гукмасов, подумал Эраст Петрович.

– Вам нужен секундант, – сказал угрюмый есаул. – Если угодно, то, как старый знакомец, могу предложить свои услуги. И не сомневайтесь, с жребием все

будет честно.

– А я и не сомневаюсь, Прохор Ахрамеевич. Что же до секундантства, то вы не годитесь. Если мне не повезет, слишком уж будет похоже на убийство.

Баранов кивнул:

– Он прав. Приятно иметь дело с умным человеком. Прав и ты, Прохор, он опасен. Что вы предлагаете, господин Фандорин?

– Японский подданный в качестве секунданта вас устроит? Видите ли, я только сегодня прибыл в Москву и еще не успел обзавестись знакомствами…

Коллежский асессор извиняющимся жестом развел руки.

– Хоть папуасский, – воскликнул Эрдели. – Только давайте побыстрее начнем!

– Будет ли врач? – спросил Эраст Петрович.

– Врач не понадобится, – вздохнул подполковник. – С такого расстояния бьют насмерть.

– Ну-ну. Я, собственно, не о себе, а о князе беспокоюсь…

Эрдели возмущенно воскликнул что-то по-грузински и отошел в дальний угол.

Эраст Петрович изложил суть дела в короткой записке, написанной диковинными значками сверху вниз и справа налево, и попросил отнести ее в двадцатый.

Маса явился нескоро – минут через пятнадцать. Офицеры уже начали нервничать и, кажется, заподозрили коллежского асессора в нечестной игре.

Появление секунданта оскорбленной стороны произвело изрядный эффект. Ради поединка, до которых Маса был большой охотник, он вырядился в парадное кимоно с высокими накрахмаленными плечами, надел белые носки и перепоясался своим лучшим поясом с узором в виде ростков бамбука.

– Это еще что за макака! – невежливо изумился Эрдели. – Впрочем, плевать. К делу!

Маса церемонно поклонился присутствующим, поднес хозяину на вытянутых руках треклятую чиновничью шпажонку.

– Вот ваш меч, господин.

– Как же ты мне надоел со своим мечом, – вздохнул Эраст Петрович. – Я стреляюсь на пистолетах. Вон с тем господином.

– Опять на пистолетах? – разочарованно спросил Маса. – Что за варварский обычай. И кого же вы убьете? Того волосатого человека? До чего же он похож на обезьяну.

Свидетели поединка встали вдоль стены, а Гукмасов, отвернувшись, поколдовал над пистолетами и предложил противникам выбирать. Эраст Петрович подождал, пока Эрдели, перекрестившись, возьмет оружие и небрежно, двумя пальцами, подцепил второй пистолет.

Следуя указаниям есаула, дуэлянты взялись за края платка и отдалились на максимально возможное расстояний, даже при вытянутых руках не превысившее трех шагов. Князь поднял пистолет на уровень плеча и прицелился противнику прямо в лоб. Фандорин же держал оружие у бедра и не целился вовсе, что на такой дистанции, впрочем, было совершенно излишним.

– Раз, два, три! – быстро отсчитал есаул и подался назад.

Пистолет князя сухо щелкнул курком, зато оружие Фандорина изрыгнуло злой язык пламени, и поручик с воем покатился по ковру, держась за простреленную правую руку и отчаянно матерясь.

Когда вой сменился глухими стонами, Эраст Петрович назидательно произнес:

– Этой рукой вы никогда больше не сможете раздавать пощечины.

В коридоре раздался шум, крики. Гукмасов приоткрыл дверь и сказал кому-то, что произошел досадный казус – поручик Эрдели разряжал пистолет и поранил руку. Раненого отправили на перевязку к профессору Веллингу, который, по счастью, еще не успел уехать за приспособлениями для бальзамирования, после чего все вернулись в номер к Гукмасову.

– Что дальше? – спросил Фандорин. – Вы удовлетворены?

Гукмасов покачал головой:

– Дальше вы будете стреляться со мной На тех же условиях.

– А потом?

– А потом – если вам снова повезет – со всеми остальными, по очереди. Пока вас не убьют. Эраст Петрович, избавьте меня и моих товарищей от этого испытания. – Есаул смотрел молодому человеку в глаза чуть ли не с мольбой. – Дайте честное слово, что не станете участвовать в расследовании, и мы разойдемся друзьями.

– Быть вашим другом счел бы за честь, но вы требуете невозможного, – (печально произнес Фандорин. Маса шепнул ему на ухо:

– Господин, я не понимаю, что вам говорит этот человек с красивыми усами, но чувствую опасность. Не разумнее ли будет напасть первыми и перебить этих самураев, пока они не изготовились? У меня в рукаве ваш маленький пистолет и еще тот кастет, который я купил себе в Париже. Очень хочется его опробовать.

– Маса, оставь свои разбойничьи замашки, – ответил слуге Эраст Петрович. – Я буду драться с этими господами честно, по очереди.

– О-о, тогда это надолго, – протянул японец и, отойдя к стене, сел на пол.

– Господа, – попытался воззвать Фандорин к благоразумию офицеров, – поверьте мне, у вас ничего не выйдет. Только зря время потеряете…

– Не надо лишних слов, – перебил его Гукмасов. – Ваш японец умеет заряжать дуэльные пистолеты? Нет? Тогда заряди ты, Эйхгольц.

Противники снова разобрали пистолеты и натянули платок. Есаул был угрюм и решителен, у Фандорина же вид был скорее сконфуженный. По команде (теперь отсчитывал Баранов) Гукмасов вхолостую щелкнул курком, а Эраст Петрович не выстрелил вовсе. Смертельно побледнев, есаул процедил:

– Стреляйте, Фандорин, и будьте прокляты. А вы, господа, решите, кто следующий. И забаррикадируйте дверь, чтоб не лезли! Не выпускайте его отсюда живым.

– Вы не желаете меня выслушать, а зря, – сказал коллежский асессор, взмахнув заряженным пистолетом. – Я вам говорю, со жребием у вас ничего не выйдет. У меня редкий дар, господа, – ужасно везет в азартные игры. Необъяснимый феномен. Я уж давно свыкся. Очевидно все дело в том, что моему покойному батюшке столь же редкостно не везло. Я выигрываю всегда и в любые игры, и оттого терпеть их не могу. – Он обвел ясным взглядом хмурые лица офицеров. – Не верите? Вот видите империал? – Эраст Петрович достал из кармана золотой и протянул Эйхгольцу. – Бросайте, барон, а я угадаю, орел или решка.

Оглянувшись на Гукмасова и Баранова, барон, молодой офицерик с едва пробивающимися усиками, пожал плечами и подбросил монету.

Она еще вертелась в воздухе, а Фандорин уже сказал:

– Не знаю… Ну, допустим, орел.

– Орел, – подтвердил Эйхгольц и бросил еще раз.

– Снова орел, – скучливо произнес коллежский асессор.

– Орел! – воскликнул барон. – Ей-богу, господа, смотрите!

– Ну-ка, Митя, еще, – сказал ему Гукмасов.

– Решка, – приговорил Эраст Петрович, глядя в сторону.

Воцарилось гробовое молчание. На распростертую ладонь барона Фандорин даже не взглянул.

– Я же вам говорил. Маса, икоо. Овари да.[3 - Идем, Маса. Кончено (яп.)] Прощайте, господа.

Офицеры с суеверным ужасом смотрели, как чиновник и его японский слуга идут к двери.

Бледный Гукмасов сказал вслед:

– Фандорин, обещайте, что не используете свой детективный талант во вред отчизне. Здесь на карту поставлена честь России.

Эраст Петрович помолчал.

– Обещаю, Гукмасов, что ничего не сделаю против своей чести, и думаю, этого достаточно.

Коллежский асессор скрылся за дверью, а Маса на пороге обернулся, церемонно поклонился офицерам в пояс и тоже был таков.

Глава четвертая,

в которой доказывается полезность архитектурных излишеств

Номера «Англия» ничуть не уступали респектабельной «Дюссо» в великолепии убранства, а по архитектурной затейливости, пожалуй, и превосходили, однако же в пышности золоченых потолков и мраморных завитушек ощущалась некоторая сомнительность или, во всяком случае, неосновательность. Зато

подъезд сиял электрическим светом, на три верхних этажа можно было доехать на лифте, а в вестибюле то и дело раздавался пронзительный трезвон модного чуда техники – телефона.

Прогулявшись по широкому вестибюлю с зеркалами и сафьяновыми диванами, Эраст Петрович остановился у доски с именами постояльцев. Публика здесь жила попестрее, чем у Дюссо: иностранные коммерсанты, биржевые маклеры, актеры преуспевающих театров. Однако никакой певицы Ванды в этом перечне не обнаружилось.

Фандорин присмотрелся к прислуге, шаставшей от стойки к лифту и обратно, и выбрал одного особенно расторопного полового со смышленой, подвижной физиономией.

– А что же госпожа Ванда здесь больше не к-кварти-рует? – изобразив легкое смущение, спросил коллежский асессор.

– Отчего же-с, проживают, – охотно откликнулся малый и, проследив за взглядом красивого господина, показал на доске пальцем. – Вот-с: «Г-жа Хельга Ивановна Холле», они самые и есть. А «Ванда» – это ихнее прозвание, для благозвучия-с. Оне во флигеле жительствуют. Вы, сударь, через ту дверку во двор пожалуйте, у госпожи Ванды там квартера с отдельным ходом. Только их об это время еще не бывает-с. – И половой хотел было ускользить прочь, но Эраст Петрович хрустнул в кармане купюрой, и молодец замер на месте, как вкопанный.

– Не будет ли какого порученьица? – спросил он, глядя на молодого человека взглядом преданным и ласковым.

– Когда же она возвращается?

– По-разному-с. Оне ведь в «Альпийской розе» поют. Кажный день кроме понедельников-с. А вы вот что, сударь, – посидите покамест в буфетной, чайку попейте или еще чего, а я вам непременно дам знать, когда мамзель пожалуют.

– И что она? – неопределенно покрутил пальцами Эраст Петрович. – Какова? В самом деле т-так уж хороша?

– Картинка-с, – причмокнул пухлыми красными губами половой. – У нас на особом положении. Платит за квартеру триста целковых в месяц и на чаевые очень щедры-с.

Тут он выдержал психологически точную паузу, и Фандорин медленно вытащил две рублевые бумажки, но, словно по рассеянности, сунул их себе в нагрудный карман.

– Госпожа Ванда у себя абы кого не принимают, строги-с, – значительно сообщил половой, впиваясь взглядом в сюртук барина. – Но я им доложу, потому как состою у них на особенном доверии.

– На-ка вот. – Эраст Петрович протянул ему бумажку. – Вторую п-после получишь, когда мадемуазель Ванда вернется. А я пока пойду газету почитаю. Где, говоришь, у вас буфетная?

* * *

25 июня 1882 года «Московские губернские ведомости» писали следующее.

Телеграмма из Сингапура

Прославленный путешественник Н.Н.Миклуха-Маклай намерен вернуться в Россию на клипере «Стрелок». Здоровье г-на Миклухи-Маклая значительно расшаталось. Он очень худ, страдает постоянными лихорадками и невралгией. Настроение духа по большей части сумрачное. Путешественник сказал нашему корреспонденту, что сыт странствиями по горло и мечтает поскорее добраться до родных берегов.

Эраст Петрович покачал головой, живо представив себе изможденное, дергающееся тиком лицо мученика этнографии. Перелистнул страницу.

Кощунство американской рекламы

«ПРЕЗИДЕНТ УМЕР» – такая надпись аршинными буквами появилась недавно над Бродвеем, главной улицей Нью-Йорка. Ошарашенные прохожие замирали на месте и лишь тогда имели возможность прочесть то, что было написано далее помельче: «бы вне всякого сомнения, ежели бы не носил в нашем неверном климате теплого шерстяного белья компании „Гарленд“». Представитель Белого Дома подал на безстыжую фирму в суд за использование высокого титула в коммерческих целях.

Слава Богу, у нас до такого еще не дошли и вряд ли когда-нибудь дойдут, с удовлетворением подумал коллежский асессор. Все-таки государь император это вам не какой-то там президент.

Как человека неравнодушного к изящной словесности, его заинтересовал заголовок:

Литературные чтения

В обширной зале дома княгини Трубецкой состоялось чтение профессора И.Н.Павлова о современной литературе, собравшее множество слушателей. Чтение было посвящено разбору последних произведений И.С.Тургенева. Г-н Павлов наглядно показал, как низко пал этот талант в погоне за тенденциозной фальшивой реальностью. Следующее чтение будет посвящено разбору произведений Щедрина как главного представителя наиболее грубого и ложного реализма.

Фандорин прочитал и расстроился. У русских дипломатов в Японии хвалить господ Тургенева и Щедрина считалось хорошим тоном. До чего же, оказывается, отстал он от литературной жизни за без малого шестилетнее отсутствие. Однако что нового в технике?

Тоннель под Ла-Маншем

Длина железнодорожного тоннеля под Ла-Маншем достигает уже 1200 метров. Галереи роет инженер Брунтон бурав-тараном, работающим при помощи сжатого воздуха. По проекту длина подземного сооружения должна составить тридцать с небольшим верст. По первоначальному проекту предполагалось, что английская и французская галереи соединятся через пять лет, однако скептики утверждают, что вследствие трудоемких работ по облицовке и прокладке рельс открытие пути состоится никак не ранее 1890 года…

Чуткого к прогрессу Фандорина чрезвычайно занимал вопрос о рытье англо-французского тоннеля, но дочитать интересную статью не получилось. Дело в том, что у буфетной стойки уже несколько минут крутился некий господин в серой паре, которого Эраст Петрович заприметил еще давеча, в вестибюле, возле главного служителя. Отдельные слова, долетавшие до слуха коллежского асессора (а слух у него был отменный), показались Фандорину настолько любопытными, что он читать немедленно прекратил, хотя газетный лист по-прежнему держал перед собой.

– Ты мне не финти, – наседал серый господин на буфетчика. – Дежурил вчера ночью или нет?

– Спал я, вашество, – прогудел тот, мордатый и розовощекий детина с расчесанной на стороны масленой бородой. – Из ночных тут только Сенька. – Он мотнул бородищей на мальчика, разносившего пирожные и чай.

Серый поманил Сеньку пальцем. Филер, безошибочно определил Эраст Петрович, не слишком удивившись. Ревнив Евгений Осипович, господин обер-полицеймейстер, не желает, чтобы все лавры чиновнику для особых поручений достались.

– А скажи мне, Сеня, – вкрадчиво произнес дотошный господин, – был ли минувшей ночью у мамзель Ванды генерал с офицерами?

Сеня шмыгнул носом, похлопал белесыми ресницами и переспросил:

– Ночью? Енарал?

– Да-да, енарал, – закивал филер.

– Тута? – Мальчик наморщил лоб. – Тут, тут, где же еще!

– А рази енаралы по ночам ездеют? – недоверчиво поинтересовался Сенька.

– Почему же нет?

Мальчик с глубоким убеждением ответил:

– Енарал, он ночью спит. На то он и енарал.

– Ты… ты смотри у меня, дурак! – разозлился серый. – Я вот заберу тебя в участок, ты у меня по-другому запоешь!

– Сирота я, дяденька, – сказал на это Сенька, и его бессмысленные глаза враз наполнились слезами. – А в участок меня невозможно, у меня от энтого падучая.

– Сговорились вы все, что ли! – сплюнул агент. – Ну да ничего, я вас на чистую воду повыведу! – И вышел вон, громко хлопнув дверью.

– Сурьезный господин, – сказал Сенька, глядя ему вслед.

– Вчерашние посурьезней были, – шепнул буфетчик и шлепнул паренька по стриженому затылку. – Такие господа, что безо всякой полиции башку оторвут. Смотри, Сенька, молчок. Да ведь и сунули тебе, поди?

– Пров Семеныч, Христом-Богом, – зачастил мальчик, часто моргая. – Вот как на святую благословенную икону! Дали-то всего пятиалтынный, так и тот я в часовенку отнес, за упокой матушкиной души свечечку поставил…

– Как же, пятиалтынный. Ври, да не мне. В часовенку! – Буфетчик замахнулся на Сеньку, но тот ловко увернулся и, подхватив поднос, кинулся на зов посетителя.

Эраст Петрович отложил «Московские ведомости» и подошел к стойке.

– Этот человек был из полиции? – спросил он с видом крайнего неудовольствия. – Я ведь, милейший, сюда не чаи распивать п-пришел, я госпожу Ванду дожидаюсь. Почему это ей интересуется полиция?

Буфетчик смерил его взглядом и осторожно спросил:

– Вам что же, сударь, назначено?

– Еще бы не назначено! Я же вот и говорю, что д-дожидаюсь. – Голубые глаза молодого человека выражали крайнюю озабоченность. – Однако полиция мне ни к чему. Мне рекомендовали мадемуазель Ванду как приличную барышню, а тут п-полиция! Хорошо еще, что я в сюртуке, а не в мундире.

– Не сумлевайтесь, ваше благородие, – успокоил нервного посетителя буфетчик. – Барышня не какая-нибудь желтобилетная, все в лучшем виде. Другие и в мундире ходют, за стыд не считают.

– В мундире? – не поверил молодой человек. – Что, даже офицеры?

Буфетчик и вновь появившийся Сенька, переглянувшись, засмеялись.

. – Подымай выше, – прыснул мальчик. – Ходют и енаралы. Да так славно ходют, что любо-дорого. Приходют на своих двоих, а после их отсюдова под белы рученьки выносют. Во какая веселая мамзель!

Пров Семеныч влепил шутнику затрещину:

– Ты, Сенька, ври да не завирайся. Я же сказал, молчок, рот на крючок.

Эраст Петрович брезгливо поморщился и вернулся к столу, однако читать про тоннель ему расхотелось. Очень уж не терпелось потолковать с мадемуазель Хельгой Ивановной Толле.

Ждать коллежскому асессору оставалось самую малость. Через каких-нибудь пять минут в буфетную прошмыгнул давешний половой и, согнувшись, шепнул на ухо:

– Пожаловали-с. Как доложить прикажете?

Фандорин достал из черепахового бумажника визитную карточку и, чуть подумав, написал на ней несколько слов маленьким серебряным карандашом.

– Вот, п-передай.

Половой вмиг исполнил поручение и, вернувшись, доложил:

– Просят. За мной извольте. Провожу-с.

Во дворе уже начинало темнеть. Эраст Петрович осмотрел пристройку, весь первый этаж которой занимала таинственная госпожа Ванда. Зачем этой даме отдельный вход – понятно. Ее гости, очевидно, предпочитают конфиденциальность. Над высокими окнами навис балкон второго этажа, примостившийся на плечах целого выводка кариатид. Лепнины по фасаду вообще имелось в явном избытке, в соответствии с дурным вкусом шестидесятых, когда, по всем приметам, и было возведено это кокетливое здание.

Половой позвонил в электрический звонок и, получив свой рубль, с поклоном удалился. Так старательно изображал деликатность и полнейшее понимание, что обратно через двор на цыпочках просеменил.

Дверь открылась, и Фандорин увидел перед собой тонкую, хрупкую женщину со взбитыми пепельными волосами и огромными насмешливыми зелеными глазами. Впрочем, в данный момент во взгляде их обладательницы читалась не столько насмешливость, сколько настороженность.

– Входите, загадочный гость, – сказала женщина низким, грудным голосом, для которого как нельзя лучше подошел бы поэтический эпитет «чарующий». Несмотря на немецкое имя квартирантки, Фандорин не уловил в ее речи ни малейших признаков акцента.

Апартаменты, занимаемые мадемуазель Вандой, состояли из прихожей и просторной гостиной, которая, кажется, выполняла и роль будуара. Эраст

Петрович подумал, что при профессии хозяйки это вполне естественно, и сам смутился от такой мысли, ибо госпожа Ванда никак не походила на женщину легкого поведения. Проведя гостя в комнату, она села в мягкое турецкое кресло, закинула ногу на ногу и выжидательно воззрилась на застывшего у дверей молодого человека. Теперь, при свете электричества, у Фандорина появилась возможность получше рассмотреть и Ванду, и ее жилище.

Не красавица – вот первое, что отметил Эраст Петрович. Нос, пожалуй, немного вздернут, и рот широковат, а скулы выступают заметнее, чем полагается по классическому канону. Но все эти несовершенства отнюдь не ослабляли, а, наоборот, странным образом усиливали общее впечатление редкостной привлекательности. На это лицо хотелось смотреть, не отрываясь – столько в нем было жизни, чувства и еще того не поддающегося описанию, но безошибочно улавливаемого каждым мужчиной волшебства, которое зовется женственностью. Что ж, если мадемуазель Ванда в Москве так популярна, значит, вкус у москвичей не столь уж плох, рассудил Эраст Петрович и, с сожалением оторвавшись от удивительного лица, внимательно осмотрел комнату. Совершенно парижский интерьер: бордово-пурпурная гамма, пушистый ковер, удобная и дорогая мебель, множество ламп и светильников с разноцветными абажурами, китайские статуэтки, а на стене – последний шик – японские гравюры с гейшами и актерами театра Кабуки. В дальнем углу, за двумя колоннами располагался альков, однако деликатность не позволила Фандорину задерживать взгляд в том направлении.

– Что «всё»? – нарушила явно затянувшуюся паузу хозяйка, и Эраст Петрович вздрогнул, почти физически ощутив, как ее магический голос заставляет звучать в его душе некие тайные, редко задеваемые струны.

На лице коллежского асессора отразилось вежливое недоумение, и Ванда нетерпеливо произнесла:

– У вас на карточке, господин Фандорин, написано: «Мне всё известно». Что «всё»? Кто вы вообще такой?

– Чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе князе Долгоруком, – спокойно ответил Эраст Петрович. – Назначен расследовать обстоятельства к-кончины генерал-адъютанта Соболева.

Заметив, как взметнулись вверх тонкие брови хозяйки, Фандорин заметил:

– Только не делайте вид, сударыня, что вы не знали о смерти генерала. Что касается п-приписки на моей карточке, то тут я вас обманул. Мне известно далеко не все, но главное известно. Михаил Дмитриевич Соболев умер в этой комнате вчера около часу ночи.

Ванда вздрогнула и приложила к горлу худые руки, словно ей вдруг стало холодно, однако ничего не сказала. Удовлетворенно кивнув, Эраст Петрович продолжил:

– Вы никого не выдали, мадемуазель, и данного слова не нарушили. Господа офицеры сами виноваты – слишком неуклюже замели следы. Б-буду с вами откровенен в расчете на такую же искренность с вашей стороны. Я располагаю следующими сведениями. – Он прикрыл глаза, чтобы не отвлекаться на тончайшую игру нюансов белого и розового, обозначившуюся на взволнованном лице собеседницы. – Из ресторации Дюссо вы с Соболевым и его свитой прибыли прямо сюда. Это произошло незадолго до полуночи. А час спустя г-генерал был уже мертв. Офицеры вынесли его отсюда, выдав за пьяного, и увезли обратно в гостиницу. Дополните картину произошедшего, и я постараюсь избавить вас от допросов в полиции. Кстати говоря, полиция здесь уже была – слуги вам наверняка об этом расскажут. Так что, уверяю вас, гораздо лучше будет объясниться со мной.

И коллежский асессор замолчал, сочтя, что сказано вполне достаточно. Ванда порывисто поднялась, взяла со спинки стула персидскую шаль и набросила на плечи, хотя вечер был теплый, даже душноватый. Два раза прошлась по комнате, то и дело взглядывая на ожидавшего чиновника. Наконец, остановилась напротив.

– Что ж, вы по крайней мере не похожи на полицейского. Сядьте-ка. Рассказ может затянуться.

Она показала на пышный, весь в расшитых подушках диван, но Эраст Петрович предпочел опуститься на стул. Умная женщина, определил он. Сильная. Хладнокровная. Всей правды не скажет, но и врать не станет.

– С героем я познакомилась вчера, в ресторане у Дюссо. – Ванда взяла парчовый пуфик и села подле Фандорина, причем расположилась близко и таким образом, что смотрела на него снизу вверх. В этом ракурсе она выглядела соблазнительно беззащитной, словно восточная рабыня у ног падишаха. Эраст Петрович беспокойно заелозил на стуле, но отодвигаться было нелепо.

– Красивый мужчина. Я, конечно, много про него слышала, но и не подозревала, до чего он хорош. Особенно васильковые глаза. – Ванда мечтательно провела рукой по бровям, словно отгоняя воспоминание. – Я пела для него. Он пригласил сесть к нему за стол. Не знаю, что вам про меня рассказывали, но уверена, что много врали. Я не ханжа, я современная свободная женщина и сама решаю, кого любить. – Она взглянула на Фандорина с вызовом, и он увидел, что сейчас она говорит без актерства. – Если мужчина мне понравился и я решила, что он должен быть мой, я его к алтарю не тащу, как это делают ваши «порядочные женщины». Да, я не «порядочная». В том смысле, что не признаю ваших порядков.

Какая там рабыня, какая там беззащитность, мысленно поразился Эраст Петрович, глядя сверху на сверкающие изумрудные глаза. Это какая-то царица амазонок. Легко было представить, как она сводит с ума мужчин этакими стремительными переходами от высокомерия к покорности и обратно.

– Я бы попросил б-ближе к делу, – сухо сказал Фандорин вслух, не желая поддаваться неуместным чувствам.

– Б-ближе не бывает, – передразнила его амазонка. – Это не вы меня покупаете, это я беру вас, да еще заставляю за это платить! Сколько ваших «порядочных» почли бы за счастье изменить мужу с самим Белым Генералом, но только тайком, по-воровски. Я же свободна, и таиться мне незачем. Да, Соболев мне понравился.

– Она вдруг опять сменила тон, из вызывающего он стал лукавым. – Да и, что скрывать, лестно показалось в свою коллекцию такого махаона заполучить. А дальше… – Ванда дернула плечом. – Обыкновенно. Приехали ко мне, выпили вина. Что было после – помню плохо. Голова закружилась. Только гляжу, а мы уже вон там, в алькове. – Она хрипловато рассмеялась, но смех почти сразу же оборвался, да и взгляд померк. – Потом было ужасно, не хочу вспоминать. Избавьте меня от физиологических подробностей, ладно? Такого не пожелаешь никому… Когда любовник в самый разгар ласк вдруг замирает и падает на тебя мертвой тяжестью…

Ванда всхлипнула и зло смахнула слезу.

Эраст Петрович внимательно следил за ее мимикой и интонацией. Похоже, барышня говорила правду. Подержав уместное молчание, Фандорин спросил:

– Случайной ли была ваша встреча с г-генералом?

– Да. То есть, конечно, не совсем. Я слышала, что Белый Генерал остановился у Дюссо. Любопытно было взглянуть.

– А много ли вина выпил у вас Михаил Дмитриевич?

– Совсем нет. Полбутылки «шато-икема». Эраст Петрович удивился:

– Он привез вино с собой? Удивилась и хозяйка:

– Нет, с чего вы взяли?

– Видите ли, мадемуазель, я неплохо знал покойного. «Шато-икем» – его любимое вино. Откуда вы могли об этом знать?

Ванда неопределенно всплеснула тонкими пальчиками:

– Я этого не знала вовсе. Но «шато-икем» тоже люблю. У нас с генералом, кажется, вообще было много общего. Жаль только, знакомство оказалось недолгим. – Она горько усмехнулась и как бы ненароком взглянула на каминные часы.

Это движение не укрылось от внимания Фандорина, и он нарочно помедлил, прежде чем продолжить допрос.

– Ну, дальнейшее ясно. Вы испугались. Вероятно, закричали. Прибежали офицеры, п-пытались вернуть Соболева к жизни. Врача вызвали?

– Нет, было видно, что он мертв. Офицеры меня чуть не растерзали, – она опять усмехнулась, но уже не горько, а зло. – Особенно один ярился, в черкеске. Все

повторял про позор, про угрозу всему делу, про смерть в постели шлюхи. – Ванда неприятно улыбнулась, обнажив белые, идеально ровные зубки. – Был еще грозный есаул. Сначала порыдал, потом сказал, что убьет, коли проболтаюсь. Денег предложил. Деньги я, впрочем, взяла. И угроз тоже испугалась. Уж очень убедительно угрожали, особенно есаул этот.

– Да-да, знаю, – кивнул Фандорин.

– Ну вот. Одели покойника, взяли под руки, будто пьяного, и уволокли. Был герой, да весь вышел. Вы хотели правду? Получайте. Доложите вашему губернатору, что покоритель басурман и надежда России пал смертью храбрых в постели шлюхи. Глядишь, в историю войду на манер новой Далилы. Как думаете, мсье Фандорин, будут про меня в гимназических учебниках писать?

И она засмеялась уже с явным вызовом.

– Вряд ли, – задумчиво произнес Эраст Петрович.

Картина получалась ясная. Понятно стало и упорство, с которым офицеры защищали свою тайну. Народный герой – и такая смерть. Некрасиво. Как-то не по-русски. Французы своему кумиру, пожалуй, простили бы, у нас же сочтут национальным позором.

Что ж, госпоже Ванде беспокоиться не о чем. Ее судьбу, конечно, решать губернатору, однако можно поручиться, что власти не станут донимать свободолюбивую певицу официальным расследованием.

Вроде бы дело можно было считать законченным, но Эрасту Петровичу, человеку любопытному, не давало покоя одно маленькое наблюдение. Ванда уже несколько раз украдкой посмотрела на часы, и коллежскому асессору показалось, что в этих мимолетных взглядах ощущается растущее беспокойство. Между тем стрелка на часах потихоньку приближалась к десяти – через пять минут будет ровно. Уж не ждет ли госпожа Ванда посетителя, и как раз в десять? Не этим ли обстоятельством вызвана такая покладистость и откровенность? Фандорин колебался. С одной стороны, интересно было узнать, кого дожидается хозяйка в такой не ранний час. С другой стороны, Эраста Петровича с детства приучили не навязывать своего общества дамам. Воспитанный человек, тем более уже получив то, за чем пришел, в подобной

ситуации откланивается и уходит. Как быть?

Колебания разрешило такое здравое соображение: если дотянуть до десяти и дождаться гостя, то увидеть его, предположим, увидишь, но вот разговора при Эрасте Петровиче, увы, не состоится. А послушать, о чем будет разговор, ужасно хотелось.

Посему Эраст Петрович встал, поблагодарил за откровенность и распрощался, чем доставил мадемуазель Ванде явное облегчение. Однако, выйдя из дверей флигеля, Фандорин не зашагал через двор, а остановился, как бы отряхивая соринку с плеча и оглянулся на окна – не смотрит ли Ванда вслед. Не смотрела. Что естественно – всякая нормальная женщина, от которой только что ушел один гость и вот-вот придет другой, бросится не к окну, а к зеркалу.

На всякий случая оглянувшись еще и на освещенные окна номеров, Эраст Петрович поставил ногу на бордюр стены, потом ловко оперся о скос подоконника, подтянулся, и мгновение спустя оказался над окном вандиной спальни-гостиной, полуулегшись на горизонтальный выступ, что венчал верхний окаем окна. Боком молодой человек пристроился на узком карнизе, ногой уперся в бюст одной кариатиды, рукой ухватился за крепкую шею другой. Немного поворочался и застыл, то есть, согласно науке японских ниндзя, «крадущихся», превратился в камень, воду, траву. Растворился в ландшафте. В стратегическом смысле позиция была идеальная: со двора Фандорина было не видно – темно, да и тень от балкона обеспечивала дополнительное прикрытие; из комнаты тем более. А сам он видел весь двор и через раскрытое по летнему времени окно мог слышать разговоры в гостиной. При желании и некоторой гуттаперчивости можно было даже свеситься и заглянуть в щель между шторами.

Минус был один – неудобство положения. Нормальный человек в такой изогнутой позе, да еще на каменной подставке шириной в четыре дюйма долго не продержался бы. Однако высшая ступень мастерства в древнем искусстве «крадущихся» состоит вовсе не в умении убить противника голыми руками или спрыгнуть с крепостной стены – о, нет. Главное достижение для ниндзя – постичь великую науку неподвижности. Лишь выдающийся мастер может простоять в течение шести или восьми часов, не двинув ни единым мускулом. Выдающимся мастером Эраст Петрович так и не стал, ибо обучался благородному и страшному искусству в слишком позднем возрасте, однако в данном случае можно было утешаться тем, что вряд ли слияние с ландшафтом продлится долго. Секрет любого трудного деяния прост: нужно относиться к

трудности не как к злу, а как к благу. Ведь главное наслаждение для благородного мужа – преодоление несовершенств своей натуры. Вот о чем следует размышлять, когда несовершенства особенно мучительны – например, ужасно впиваются каменным углом в бок.

На второй минуте наслаждения задняя дверь «Англии» распахнулась и появился мужской силуэт – плотный, уверенный, быстрый. Лицо Фандорин увидел только мельком, когда мужчина перед самой дверью вошел в прямоугольник падающего от окна света. Лицо как лицо, без особых примет: овальное, глаза близко посажены, волосы светлые, надбровные дуги чуть выступают, усы подкручены на прусский манер, нос средний, на квадратном подбородке ямочка. Незнакомец вошел к Ванде без стука, что само по себе уже было интересно. Эраст Петрович напряг слух. Почти сразу же из комнаты донеслись голоса, и тут выяснилось, что одного слуха недостаточно – пришлось напрячь еще и знание немецкого, ибо разговор происходил на языке Шиллера и Гете. В свое время гимназист Фандорин не слишком преуспел в этой науке, так что главный фокус в преодолении несовершенств естественным образом сместился от неудобства позы к интеллектуальному напряжению. Нет худа без добра – про каменный угол как-то забылось.

– Вы плохо мне служите, фройляйн Толле, – произнес резкий баритон. – Конечно, хорошо, что вы взялись за ум и сделали то, что вам было велено. Но зачем было ломаться и попусту меня нервировать? Я ведь не машина, а живой человек.

– В самом деле? – насмешливо ответил голос Ванды.

– Представьте себе. Вы все-таки выполнили задание – превосходно. Но почему я должен узнавать об этом не от вас, а от знакомого журналиста? Вы нарочно хотите меня злить? Не советую. – В баритоне прибавилось металла. – Помните ли вы, что я могу с вами сделать?

Вандин голос откликнулся устало:

– Помню, герр Кнабе, помню.

Тут Эраст Петрович осторожно перегнулся и глянул в комнату, но таинственный герр Кнабе стоял спиной. Он снял котелок, и было мало что видно: гладко зачесанные волосы (блондин третьей степени с легким оттенком рыжины,

определил специальным полицейским термином Фандорин) и толстую красную шею (на вид никак не менее шестого размера).

– Ладно-ладно, я вас прощаю. Ну же, не дуйтесь.

Посетитель потрепал хозяйку короткопалой рукой по щеке и поцеловал ниже уха. Лицо Ванды было на свету, и Эраст Петрович увидел, как по тонким чертам пробежала гримаса отвращения.

К сожалению, пришлось прекратить визуальное наблюдение – еще чуть-чуть, и Фандорин грохнулся бы вниз, что в данной ситуации было бы совсем некстати.

– Расскажите мне всё. – Голос мужчины стал вкрадчивым. – Как вы действовали? Вы использовали препарат, который я вам дал? Да или нет?

Молчание.

– Очевидно, нет. Вскрытие не обнаружило следов яда – это мне известно Кто бы мог подумать, что дело дойдет до вскрытия? Ну же, что все-таки произошло? Или нам повезло, и он вдруг умер сам? Тогда это рука Провидения, вне всякого сомнения. Бог хранит нашу Германию. – Баритон взволнованно дрогнул. – Да что вы все молчите?

Ванда глухо произнесла:

– Уходите. Я не могу вас сегодня видеть.

– Опять женские штучки. Как я от них устал! Ладно-ладно, не сверкайте глазами. Свершилось великое дело, и это главное. Вы молодчина, фрейляйн Толле, и я ухожу. Но завтра вы мне все расскажете. Это понадобится мне для отчета.

Звук продолжительного поцелуя. Эраст Петрович поморщился, вспомнив отвращение на лице Ванды. Дверь хлопнула.

Герр Кнабе, насвистывая, пересек двор и исчез.

Фандорин бесшумно спрыгнул вниз, с облегчением потянулся, расправляя затекшие члены, и двинулся следом за вандиным знакомцем. Дело приобретало совсем иную окраску.

Глава пятая,

в которой Москва предстает в виде джунглей

– …А п-предложения мои сводятся к следующему, подытожил Фандорин свой рапорт. – Немедленно установить негласное наблюдение за германским подданным Гансом-Георгом Кнабе и выяснить, с кем он связан.

– Евгений Осипович, не лучше ли будет арестовать мерзавца? – насупил крашеные брови генерал-губернатор.

– Арестовать его без улик никак невозможно, – ответил обер-полицеймейстер. – Да и бессмысленно, калач-то тертый. Я бы, ваше сиятельство, лучше взял эту Ванду и как следует тряхнул. Глядишь, и улики бы нашлись.

Четвертый участник секретного совещания, Петр Парменович Хуртинский, промолчал.

Заседали уже давно, с самого утра. Эраст Петрович доложил о событиях вчерашнего вечера и о том, как проследил за таинственным посетителем, который оказался немецким коммерсантом Гансом-Георгом Кнабе, проживающим в Каретном и представляющим в Москве берлинскую банковскую контору «Кербель унд Шмидт». Когда коллежский асессор пересказал зловещий разговор между Кнабе и Вандой, рапорт пришлось временно прервать, потому что князь Долгорукой пришел в сильнейшее волнение и, потрясая кулаками, закричал:

– Ах негодяи, ах мерзавцы! Неужто погубили витязя земли русской? Неслыханное злодеяние! Мировой скандал! Ну, германцы за это заплатят!

– Полноте, ваше сиятельство, – успокаивающе прошелестел начальник секретного отделения. – Слишком сомнительная гипотеза. Отравить Белого Генерала? Бред!

Не верю, что немцы могли пойти на такой риск. Это же цивилизованная нация, а не какая-нибудь Персия!

– Цивилизованная? – недобро оскалился генерал Караченцев. – Мне вот тут Российское телеграфное агентство прислало статейки из сегодняшних газет, британской и немецкой. Как известно, Михаил Дмитриевич обе эти страны не жаловал, и секрета из своих воззрений не делал. Однако сравните тон. Вы позволите, ваше высокопревосходительство? – Обер-полицеймейстер нацепил пенсне и достал из папки листок. – Английская «Стандарт» пишет:

«Соотечественникам Соболева трудно будет его заменить. Одного его появления на белом коне впереди боевой линии бывало достаточно, чтобы возбудить в солдатах энтузиазм, которого едва достигали ветераны Наполеона I. Кончина такого человека в настоящем критическом периоде есть невознаградимая потеря для России. Он был врагом Англии, но в этой стране следили за его подвигами едва ли с меньшим интересом, чем в его отечестве».

– Что ж, откровенно и благородно, – одобрил князь.

– Именно. А теперь зачту из субботней «Бёрзен курьер». – Караченцев взял другой листок. – М-м… Ну вот хоть бы отсюда: «Русский медведь более не опасен. Пусть панслависты плачут у гроба Соболева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления мы не испытываем. Умер единственный в России человек, который, действительно, был способен применить слово к делу…» И далее в том же духе. Какова цивилизованность, а?

Губернатор возмутился:

– Бесстыдство! Конечно, антигерманские настроения покойного известны. Все мы помним, что его парижская речь по славянскому вопросу произвела настоящий фурор и чуть не рассорила государя с кайзером. «Путь на

Константинополь лежит через Берлин и Вену!» Сказано сильно, без дипломатий. Однако пойти на убийство! Неслыханно! Я немедленно сообщу его величеству! Мы колбасникам и без Соболева такую микстуру пропишем, что…

– Ваше сиятельство, – мягко остановил раскипятившегося губернатора Евгений Осипович. – Не дослушать ли сначала господина Фандорина?

Далее Эраста Петровича слушали не перебивая, однако его результирующее предложение – ограничиться установлением слежки за Кнабе – присутствующих явно разочаровало, о чем свидетельствовали их вышеприведенные реплики. Обер-полицеймейстеру Фандорин сказал:

– Арест Ванды означал бы скандал. Этим мы опорочим п-память покойного и вряд ли чего-нибудь добьемся. Только спугнем герра Кнабе. Да и потом, из подслушанного разговора у меня сложилось впечатление, что мадемуазель Ванда Соболева не убивала. Ведь никакого яда вскрытие п-профессора Веллинга не обнаружило.

– Вот именно, – значительно произнес Петр Парменович, обращаясь исключительно к князю. – Тривиальнейший паралич сердца, ваше сиятельство. Прискорбно, но случается. Даже и в столь цветущем возрасте, как у покойника. Я думаю, уж не ослышался ли господин коллежский асессор. Или, чего доброго, не прифантазировал ли? Вот ведь и сам признался, что с немецким не в ладах?

Эраст Петрович посмотрел на говорившего с особенным вниманием и ничего на это не ответил. Зато вскинулся рыжий жандарм:

– Какие там фантазии! Соболев был крепчайшего здоровья! На медведя с рогатиной ходил, в проруби купался! Что же получается, огонь под Плевной и туркестанскую пустыню прошел, а любовных игр не вынес? Чушь! Вы бы, господин Хуртинский, лучше городские сплетни собирали, а в шпионажные дела не лезли.

Столь открытая конфронтация Фандорина удивила, однако губернатор, кажется, к подобным сценам давно привык. Он примирительно поднял руки:

– Господа, господа, не ссорьтесь. И так голова кругом. Столько дел с этой кончиной. Телеграммы, соболезнования, депутации, весь Театральный венками

позаставили – ни пройти, ни проехать. Высокие особы на похороны едут, их и встретить, и разместить. Вечером военный министр и начальник Генерального штаба прибудут. Завтра утром, прямо к похоронам – великий князь Кирилл Александрович. А нынче мне к герцогу Лихтенбургскому надо. Они с супругой в Москве по случайности оказались. Супруга, графиня Мирабо, – родная сестра покойного. Надобно ехать с соболезнованием, я уж послал предупредить. Вы, голубчик Эраст Петрович, езжайте со мной, обскажете мне в карете все еще раз. Вместе и помозгуем, как быть. А вы, Евгений Осипович, уж возьмите на себя труд – последите пока за обоими: и за немцем этим, и за девицей. Хорошо бы отчетец, про который Кнабе говорил, перехватить. Вы вот что. Дайте ему рапорт написать для своего шпионского начальства, а там и берите с поличным. А как насчет слежки распорядитесь – снова, сюда, ко мне извольте. Вот вернемся мы с Эрастом Петровичем, и решим окончательно. Тут бы дров не наломать. Дело-то войной пахнет.

Генерал, щелкнув каблуками, вышел, и тут же к губернаторскому столу подскочил Хуртинский.

– Ваше сиятельство, неотложные бумаги, – сказал он, сгибаясь к самому уху князя.

– Так уж и неотложные? – проворчал тот. – Слышал ведь, Петруша, спешу я, герцог ждет.

Надворный советник приложил ладонь к накрахмаленной груди с орденом.

– Совершенно не терпящие отлагательства. Владимир Андреич, тут, изволите ли видеть, сметочка на окончание росписи Храма. Предлагаю дать заказ господину Гегечкори, преславный живописец, и образа мыслей самого похвального. Сумму запрашивает немалую, но ведь и сделает в срок – человек слова. Вот здесь бы подпись вашу; и считайте, что дело исполнено.

Петр Парменович ловко подложил губернатору бумагу, а сам уж тянул из папочки следующую.

– А это, Владимир Андреич, проект на прорытие подземного метрополитена по примеру лондонского. Подрядчик – коммерции советник Зыков. Большое дело. Я имел честь вам докладывать.

– Помню, – буркнул Долгорукой. – Метрополитен еще какой-то выдумали. Денег-то много надобно?

– Пустяки-с. Зыков на изыскательские работы всего и просит полмиллиончика. Я смету смотрел – толковая.

– «Всего», – вздохнул князь. – С каких это богатств для тебя, Петька, полмиллиона пустяком стали? – И, заметив взгляд Фандорина, удивленного столь фамильярным обращением губернатора с начальником секретного отделения, пояснил. – Я с Петром Парменовичем по-свойски, по-родственному. Он ведь у меня в доме вырос. Моего покойного повара сынок. Вот бы Пармен, царствие ему небесное, послушал, как ты, Петруша, миллионами-то швыряешься.

Хуртинский зло покосился на Эраста Петровича, видно, недовольный напоминанием о своем плебейском происхождении.

– И вот еще касательно цен на газ. Я, Владимир Андреич, докладную записочку составил. Хорошо бы в целях удешевления уличного освещения тариф понизить. До трех рублей за тысячу кубических футов. И так много берут-с.

– Ладно, давай свои бумажки, в карете прочту и подпишу. – Долгорукой встал. – Пора ехать, пора. Негоже заставлять высокую особу дожидаться. Идемте, Эраст Петрович, дорогой потолкуем.

В коридоре Фандорин почтительнейше осведомился:

– А что, ваше сиятельство, разве государь не пожалует? Все-таки не кто-нибудь умер, сам Соболев.

Долгорукой искоса посмотрел на коллежского асессора и значительно произнес:

– Не счел возможным. Брата послал, Кирилла Александровича. А почему – не нашего ума дело.

Фандорин только молча поклонился.

«Потолковать» дорогой не довелось. Когда уже сели в карету – губернатор на мягкие подушки, Эраст Петрович напротив, на обтянутую кожей скамейку, дверца вдруг снова распахнулась, и, кряхтя, влез князев камердинер Фрол Ведищев. Бесцеремонно уселся рядом с князем и крикнул кучеру:

– Трогай, Мишка, трогай!

Затем, не обращая на Эраста Петровича ни малейшего внимания, развернулся к Долгорукому.

– Владимир Андреич, я с вами, – объявил он тоном, не допускавшим возражений.

– Фролушка, – кротко молвил князь. – Лекарство я выпил, а сейчас не мешай, у меня важный разговор с господином Фандориным.

– Ничего, подождет разговор ваш, – сердито махнул деспот. – Что вам за бумажки Петька подсунул?

– Да вот, Фрол. – Владимир Андреевич раскрыл папку. – Заказ художнику Гегечкори на завершение росписи Храма. Уж и смета составлена, видишь? А это – подряд купцу Зыкову. Будем под Москвой железную дорогу рыть, чтоб быстрей доехать всюду было. И еще – о снижении цен на газ.

Ведищев заглянул в бумаги и решительно объявил:

– Нечего Храм Гегечкори этому отдавать, он прохвост известный. Лучше бы кому из наших, московских, отдали. Им тоже жить надо. Оно и дешевле будет, и красотой не хуже. Где деньги-то возьмем? Нет ведь денег. А Гегечкори Петьке вашему дачу в Алабине разрисовать обещал, вон Петька и старается.

– Так ты думаешь, не стоит заказ Гегечкори давать? – задумчиво спросил Долгорукой и убрал бумагу вниз.

– Нечего и думать, – отрезал Фрол. – Да и метрополитен этот – дурь одна. На кой дыру в земле копать и паровоз туда запущать? Только казенные деньги на ветер выкидывать. Ишь чего удумали!

– Ну, тут ты не прав, – возразил князь. – Метро – дело хорошее. Вон у нас движение какое – еле ползем.

И правда: губернаторская карета застряла у поворота на Неглинную, и сколько ни бились конвойные жандармы, никак не могли расчистить дорогу, по случаю субботы сплошь забитую телегами и повозками охотнорядских торговцев.

Ведищев покачал головой, словно князь и сам должен был понять, что зря упрямится.

– Да ведь гласные в Думе скажут, совсем Долгорукой из ума выжил. И питерские вороги тож не преминут. Не подписывайте, Владимир Андреич.

Губернатор сокрушенно вздохнул, отложил и вторую бумагу.

– Ас газом что же?

Ведищев взял докладную записку, отодвинув подальше, зашевелил губами.

– Это ладно, можно. Городу выгода, и москвичам облегчение.

– Вот и я так думаю, – просветлел князь, раскрыл прикрепленный на дверце пюпитр с письменным прибором и поставил размашистую подпись.

Потрясенный этой невероятной сценой Эраст Петрович изо всех сил делал вид, что ничего особенного не происходит, и с повышенным интересом смотрел в окошко. Тут как раз подъехали к дому княгини Белосельской-Белозерской, где остановились герцог Лихтенбургский и его супруга, урожденная Зинаида Дмитриевна Соболева, получившая в морганатическом браке титул графини Мирабо.

Эраст Петрович знал, что Евгений Лихтенбургский, генерал-майор русской гвардии и шеф потсдамских лейб-кирасиров, приходился родным внуком императору Николаю Павловичу. Однако знаменитого василискова взгляда герцог от грозного деда не унаследовал – глаза его высочества были цвета голубого саксонского фарфора и смотрели через пенсне мягко, учтиво. Зато графиня оказалась очень похожа на своего великого брата. Вроде бы и стать не

та, и осанка отнюдь не воинственная, и овал лица нежен, а синие глаза точь-в-точь такие же, и порода та самая, безошибочно Соболевская. Аудиенция с самого начала пошла вкривь и вкось.

– Мы с графиней приехали в Москву совсем по другому деву, а тут такое несчастье, – начал герцог, премило картавя на твердом «л» и помогая себе взмахами руки, украшенной старинным сапфиром на безымянном пальце.

Зинаида Дмитриевна не дала мужу договорить:

– Как, как это могло случиться?! – вскричала она, и по очаровательному, хоть и распухшему от рыданий лицу потоком хлынули крупные слезы. – Князь, Владимир Андреевич, горе-то какое!

Рот графини изогнулся наподобие коромысла, и дальше говорить она не смогла.

– На все воля Божья, – растерянно пробормотал герцог и в панике оглянулся на Долгорукого и Фандорина.

– Евгений Максимилианович, ваше высочество, уверяю вас, что обстоятельства безвременной кончины вашего родственника тщательнейше расследуются, – взволнованным голосом сообщил губернатор. – Вот господин Фандорин, мой чиновник для наиважнейших поручений, этим занимается.

Эраст Петрович поклонился, и герцог задержал взгляд на лице молодого чиновника, а графиня залилась слезами еще пуще.

– Зинаида Дмитриевна, душенька, – всхлипнул и князь. – Эраст Петрович – боевой товарищ вашего братца. По воле случая остановился в той же гостинице, у Дюссо. Очень толковый и опытный следователь, во всем разберется и доложит. А плакать что же, ведь не вернешь…

Пенсне Евгения Максимилиановича блеснуло холодно и начальственно:

– Если господин Фандорин выяснит что-нибудь важное, прошу немедвенно сообщить лично мне. Пока не прибыв великий князь Кирилл Александрович, я представляю здесь особу государя императора.

Эраст Петрович еще раз молча поклонился.

– Да, государь… – Зинаида Дмитриевна трясущимися руками достала из ридикюля смятую телеграмму. – Доставили высочайшую депешу. «Поражен и огорчен внезапной смертью генерал-адъютанта Соболева. – Всхлипнув и высморкавшись, стала читать дальше. – Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей. Александр».

Фандорин чуть приподнял брови – телеграмма показалась ему холодноватой. «Трудно заменимая»? То есть получается, что заменить все-таки можно? «Грустно» – и только-то?

– Завтра проводы и панихида, – сказал Долгорукой. – Москвичи желают отдать герою последнюю дань. Потом, очевидно, тело поездом отправят в столицу? Его величество наверняка распорядится устроить государственные похороны. Многие с Михайлой Соболевым проститься захотят. – Губернатор приосанился. – Меры, ваше высочество, приняты. Тело забальзамировано, так что препятствий не возникнет.

Герцог искоса взглянул на жену, утиравшую неиссякаемые слезы. Вполголоса сказал:

– Видите ли, князь, император пошев навстречу пожеваниям семьи и позволив хоронить Мишеля по-семейному, в рязанском имении.

Владимир Андреевич с чуть излишней, как показалось Фандорину, поспешностью подхватил:

– И правильно, так оно человечней, без помпы-то. Какой человек был, просто душа-человек.

Вот этого говорить не следовало. Начавшая успокаиваться графиня разрыдалась пуще прежнего. Губернатор часто заморгал, вынул преогромный платок, по-отечески вытер Зинаиде Дмитриевне лицо, после чего, расчувствовавшись, шумно в него высморкался. Евгений Максимилианович взирал на славянскую несдержанность чувств с некоторой растерянностью.

– Что же это, Влади… Владимир Андре… евич. – Графиня припала к выпяченной корсетом груди князя. – Ведь он меня только на шесть лет старше… У-у-у, – вырвалось у нее не аристократическое, а вполне простонародное, бабье завывание, и Долгорукой совсем скис.

– Голубчик, – гнусавым от переживаний голосом указал он Фандорину поверх русого затылка Зинаиды Дмитриевны. – Вы того… Вы поезжайте. Я побуду тут. Езжайте себе с Фролом, езжайте. Карета пусть после за мной вернется. А вы поговорите там с Евгением Осиповичем. Сами решайте. Видите, какие дела-то…

Всю обратную дорогу Фрол Григорьевич жаловался на интриганов (которых называл «антрегантами») и казнокрадов.

– Ведь что делают, ироды! Кажная тля норовит свой кусок урвать! Хочет торговый человек лавку открыть – к примеру, портками плисовыми торговать. Вроде бы чего проще? Плати городскую подать пятнадцать целковых, да торгуй. Ан нет! Околоточному дай, акцизному дай, врачу санитарному дай! И все мимо казны! А портки – им красная цена рупь с полтиной – уж по трешнице идут. Не Москва, а чистые жунгли.

– Что? – не понял Фандорин.

– Жунгли. Зверь на звере! Или хоть водку взять. Э-э, сударь, с водкой цельная трагедия. Вот я вам расскажу…

И последовала драматическая история о том, как торговцы в нарушение всех божеских и человеческих законов покупают у акцизных чиновников гербовые марки по копейке за штуку и лепят их на бутылки с самогонкой, выдавая ее за казенный продукт. Эраст Петрович не знал, что на это сказать, но, к счастью, его участия в разговоре, кажется, и не требовалось.

Когда карета, грохоча по брусчатке, подъехала к парадному входу в губернаторскую резиденцию, Ведищев оборвал свою филиппику на полуслове:

– Вы ступайте себе прямо в кабинет. Полицмейстер уж, поди, заждался. А я по делам. – И с неожиданной для его лет и важных бакенбард резвостью юркнул куда-то и боковой коридорчик.

Разговор с глазу на глаз получился удачный, профессиональный. Фандорин и Караченцев понимали друг друга с полуслова, и это грело душу обоим.

Генерал расположился в кресле у окна, Эраст Петрович сел напротив на бархатный стул.

– Давайте я вам сначала про герра Кнабе, – начал Евгений Осипович, держа наготове папку, однако до поры до времени в нее не заглядывая. – Личность мне хорошо известная. Просто не желал при таком скоплении. – Он выразительно покривил губы, и Фандорин понял, что это намек на Хуртинского. Генерал похлопал по своей папке. – У меня тут секретный циркуляр еще от прошлого года. Из Департамента, из Третьего делопроизводства, которое, как вам известно, ведает всеми политическими делами, предписывают приглядывать за Гансом-Георгом Кнабе, Чтобы не зарывался.

Эраст Петрович вопросительно склонил голову набок.

– Шпион, – пояснил обер-полицеймейстер. – По нашим сведениям, капитан германского генштаба. Резидент кайзерской разведки в Москве. Зная это, я поверил вашему рассказу сразу и безоговорочно.

– Не берете, п-потому что лучше известный резидент, чем неизвестный? – не столько спросил, сколько уточнил коллежский асессор.

– Именно. Да и есть свои правила дипломатического приличия. Ну, арестую я его, вышлю. И что? Немцы тут же какого-нибудь нашего вышлют. Кому это нужно? Трогать резидентов без особого на то распоряжения не положено. Однако данный случай переходит все границы джентльменства.

Эраст Петрович от такого understatement[4 - Недостаточно сильное высказывание (англ.)] поневоле улыбнулся:

– Мягко говоря, да. Улыбнулся и генерал.

– Так что герра Кнабе будем брать. Вопрос: где и когда. – Евгений Осипович улыбнулся еще шире. – Думаю, сегодня вечером, в ресторане «Альпийская роза». Дело в том, что по имеющимся у меня данным (он снова похлопал по закрытой

папке) Кнабе по вечерам часто там бывает. Сегодня тоже протелефонировал, заказал столик на семь часов. Почему-то на фамилию «Розенберг», хотя, как вы понимаете, в ресторане его отлично знают.

– Интересно, – заметил на это Фандорин. – И в самом деле, надо брать.

Генерал кивнул.

– Распоряжение генерал-губернатора насчет ареста имеется. Мое дело солдатское: начальство приказало – выполнять.

– Откуда известно, что Кнабе т-телефонировал и заказал столик на чужую фамилию? – подумав, спросил Эраст Петрович.

– Технический прогресс. – Глаза обер-полицеймейстера лукаво блеснули. – Телефонные переговоры можно прослушивать со станции. Но это строго между нами. Если узнают, я потеряю половину информации. Между прочим, ваша подружка Ванда тоже сегодня будет выступать в «Розе». Велела портье подавать коляску к шести. Предвидится интересная встреча. Вот бы их, голубков, вместе и взять. Вопрос – как действовать?

– Решительно, но не ломая д-дров.

Караченцев вздохнул:

– С решительностью у моих орлов все в порядке. С дровами хуже.

Эраст Петрович заговорил полуфразами:

– А если бы я сам? Как частное лицо? Если что – никаких дипломатических конфликтов. Ваши на страховке, а? Только, ваше п-превосходительство, без дублирования, как вчера в «Англии».

Черт возьми, с тобой работать – одно удовольствие, подумал генерал, а вслух сказал:

– За вчерашнее приношу извинение. Не повторится. А насчет сегодняшнего… Двое на улице, двое в зале? Как полагаете?

– В зале не надо вовсе – профессионал всегда опознает, – уверенно заявил коллежский асессор. – А на улице так: один на коляске у парадного, и один у черного. На всякий. Думаю, довольно будет. Не террорист ведь все-таки, резидент.

– Как действовать думаете?

– Право не знаю. Как пойдет. Пригляжусь, понаблюдаю. Не люблю загадывать.

– Понимаю, – покивал генерал. – И полностью полагаюсь на ваше суждение. Имеете ли оружие? Господин Кнабе в отчаянном положении. Высылкой в данном случае не отделается, да и отопрутся от него начальники, если что. Хоть и не террорист, но может повести себя нервно.

Эраст Петрович сунул руку куда-то под сюртук, и в следующую секунду на ладони у него оказался маленький ладный револьвер с вытертой от частого употребления рифленой рукояткой.

– «Герсталь-агент»? – с уважением спросил Евгений Осипович. – Изрядная вещица. Позвольте полюбопытствовать?

Генерал взял револьвер, ловко откинул барабан, поцокал языком:

– Безвзводный? Красота! Пали хоть все шесть пуль подряд. А спусковой не слабоват?

– Тут вот кнопочка – предохранитель, – показал Фандорин. – Так что в кармане не выстрелит. Точность, конечно, неважная, но ведь в нашем деле главное – скорострельность. Нам соболя в глаз не бить.

– Истинная правда, – согласился Евгений Осипович, возвращая оружие. – Так ведь она опознает вас? Ванда-то.

– Не извольте б-беспокоиться, ваше превосходительство. У меня с собой целая гримерная. Не опознает.

Совершенно удовлетворенный, Караченцев откинулся на спинку кресла и, хотя деловой разговор вроде бы был закончен, прощаться не торопился. Генерал предложил собеседнику сигару, но тот достал свои, в изящном замшевом футляре.

– Настоящая «батавия», Евгений Осипович. Не угодно ли?

Обер-полицеймейстер взял тонкую, шоколадного цвета палочку, зажег, с наслаждением выпустил струйку дыма. Господин Фандорин генералу определенно нравился, и потому возникло окончательное решение повернуть разговор в деликатную сторону.

– Вы в наших московских джунглях человек новый… – осторожно начал он.

И этот про джунгли, мысленно удивился Эраст Петрович, но виду не подал. Сказал лишь:

– Да и в российских тоже.

– Вот-вот. Многое за время ваших странствий переменилось…

Фандорин с внимательной улыбкой ждал продолжения – беседа, судя по всему, предполагалась не пустячная.

– Как вам наш Володя Большое Гнездо? – внезапно спросил обер-полицеймейстер.

Поколебавшись, Эраст Петрович ответил:

– По-моему, его сиятельство не так прост, как кажется.

– Увы. – Генерал энергично пустил вверх густую дымную струю. – В свое время князь был непрост и даже очень непрост. Шутка ли – шестнадцать лет держит первопрестольную железной рукой. Но расшатались зубы у старого волка. Чему

удивляться – восьмой десяток. Постарел, утратил хватку. – Евгений Осипович наклонился вперед и доверительно понизил голос. – Последние дни доживает. Сами видите – вертят им как хотят эти его помпадуры Хуртинский и Ведищев. А пресловутый Храм! Ведь все соки из города высосал. Зачем, спрашивается? Сколько приютов да больниц на этакие деньжищи можно бы построить! Нет, наш Хеопс новоявленный желает непременно пирамиду после себя оставить.

Эраст Петрович слушал внимательно, рта не раскрывал.

– Понимаю, вам об этом рассуждать невместно. – Караченцев снова откинулся на спинку кресла. – Да вы просто послушайте человека, который к вам с искренней симпатией. Не скрою от вас, что при дворе Долгоруким недовольны. Малейшая с его стороны оплошность – и всё. На покой, в Ниццу. А тогда, Эраст Петрович, вся его московская хунта рассыплется. Придет новый человек, не чета этому. Приведет своих. Да уж и здесь они, его люди. Готовят.

– Например, вы?

Евгений Осипович одобрительно прищурился:

– Вы схватываете с полуслова. А сие означает, что я могу не продолжать. Суть предложения вам понятна.

В самом деле, не первопрестольная, а какие-то джунгли, подумал Эраст Петрович, глядя в светящиеся приязнью глаза рыжего обер-полицеймейстера – по всему видно, человека честного и неглупого. Коллежский асессор приятнейшим образом улыбнулся и развел руками:

– Ценю ваше доверие и даже п-польщен. Возможно, с новым губернатором Москве будет и лучше. Впрочем, не берусь судить, ибо в московских делах пока ничего не смыслю. Однако я, ваше превосходительство, четыре г-года прожил в Японии и, знаете ли, совершенно объяпонился – иногда сам на себя удивляюсь. У японцев самурай – а мы с вами по их понятиям самураи – должен хранить верность своему сюзерену, каким бы скверным тот ни был. Иначе никак невозможно, вся система развалится. Владимир Андреевич мне не вполне сюзерен, однако же свободным от обязательств по отношению к нему я чувствовать себя не могу. Уж не обессудьте.

– Что ж, жаль, – вздохнул генерал, поняв, что уговаривать бесполезно. – У вас могло бы быть большое будущее. Да, ничего. Может быть, еще и будет. На мою поддержку вы можете всегда рассчитывать. Смею ли я надеяться, что беседа останется между нами?

– Да, – коротко ответил коллежский асессор, и Караченцев ему сразу поверил.

– Пора, – сказал он, поднимаясь. – Распоряжусь насчет «Розы». Выберу вам помощников потолковей, а вы, в свою очередь…

Они вышли из губернаторского кабинета, обговаривая на ходу последние детали предстоящей операции. Секунду спустя открылась маленькая дверка в углу – там располагалась комната для отдыха, где старый князь любил подремать после обеда. Из дверки, бесшумно ступая войлочными туфлями, вышел Фрол Григорьевич Ведищев. Его кустистые седые брови были сурово насуплены. Княжеский камердинер подошел к креслу, на котором минуту назад сидел обер-полицеймейстер, и свирепо плюнул коричневой табачной слюной прямо на кожаное сиденье.

Глава шестая,

в которой появляется женщина в черном

В гостинице Эраста Петровича ждал сюрприз. Когда молодой человек приблизился к своему 20-ому номеру, дверь внезапно отворилась, и навстречу постояльцу выбежала дебелая горничная. Лица ее Фандорин не разглядел, поскольку оно было повернуто в сторону, однако же от внимания наблюдательного коллежского асессора не укрылись некоторые красноречивые детали: надетый наизнанку фартук, сбившаяся набок кружевная наколка и криво застегнутое платье. На пороге стоял довольный Маса, ничуть не смущенный внезапным возвращением хозяина.

– Русские женщины очень хорошие, – с глубоким убеждением произнес слуга. – Я предполагал это и раньше, а теперь знаю наверняка.

– Наверняка? – с любопытством спросил Фандорин, разглядывая лоснящуюся, физиономию японца.

– Да, господин. Они горячие и не требуют за любовь подарков. Не то что жительницы французского города Парижа.

– Да ведь ты по-русски не знаешь, – покачал головой Эраст Петрович. – Как же ты с ней объяснился?

– По-французски я тоже не знал. Но для объяснения с женщиной слова не нужны, – с важным видом поведал Маса. – Главное – дыхание и взгляд. Если дышишь громко и часто, женщина понимает, что ты в нее влюблен. А глазами надо делать вот так. – Он сощурил свои и без того узкие глазки, отчего те вдруг поразительным образом словно заискрились. Фандорин только хмыкнул. – После этого остается немножко поухаживать, и женщина уже не может устоять.

– И как же ты ухаживал?

– К каждой женщине нужен свой подход, господин. Худые любят сладости, толстые – цветы. Этой прекрасной женщине, которая убежала, заслышав ваши шаги, я подарил веточку магнолии, а потом сделал ей массаж шеи.

– Где ты взял магнолию?

– Там. – Маса показал куда-то вниз. – В горшках растут.

– А при чем здесь массаж шеи?

Слуга посмотрел на хозяина сожалеюще:

– Массаж шеи переходит в массаж плеч, потом в массаж спины, потом…

– Ясно, – вздохнул Эраст Петрович. – Можешь не продолжать. Подай-ка лучше сундучок с гримерными принадлежностями.

Маса оживился:

– У нас будет приключение?

– Не у нас, а у меня. И вот еще что, утром я не успел сделать гимнастику, а мне нынче нужно быть в форме.

Японец стал снимать хлопчатый халат, который обычно носил, находясь дома.

– Господин, мы побегаем по потолку или опять будем драться? Лучше по потолку. Вот очень удобная стена.

Фандорин осмотрел оклеенную обоями стену, лепной потолок и усомнился:

– Больно высоко. Тут не меньше двенадцати сяку. Ну да ничего, попробуем.

Маса уже стоял в одной набедренной повязке. На лоб он повязал чистенькую белую тряпицу, на которой красной тушью был выведен иероглиф «усердие». Эраст Петрович же переоделся в обтягивающее полосатое трико, обул каучуковые тапочки, потом немного попрыгал, поприседал и скомандовал:

– Ити, ни, сан!

Оба разом рванулись с места, взбежали вверх по стене и, совсем немного не достигнув потолка, оттолкнулись от вертикали. Сделав сальто в воздухе, приземлились на ноги.

– Господин, я выше добежал – вон до той розочки, а вы на две розочки ниже, – похвастался Маса, показывая на обои.

Вместо ответа Фандорин снова прокричал:

– Ити, ни, сан!

Головокружительный трюк был повторен, и на сей раз слуга, перекувырнувшись, коснулся ногой потолка.

– Я достал, а вы нет! – сообщил он. – И это при том, господин, что у вас ноги значительно длиннее моих.

– Ты сделан из резины, – проворчал слегка запыхавшийся Фандорин. – Ладно, теперь подеремся.

Японец поклонился в пояс и без особой охоты встал в боевую стойку: ноги согнуты в коленях, ступни развернуты, руки расслаблены.

Эраст Петрович, подпрыгнул, крутнулся в воздухе и довольно сильно задел не успевшего увернуться партнера носком тапочка по макушке.

– Попадание раз! – крикнул он. – Давай!

Маса сделал отвлекающее движение – сорвал со лба и отшвырнул в сторону свою белую повязку, а когда взгляд Фандорина непроизвольно проследовал за летящим предметом, слуга с гортанным криком прокатился упругим мячиком по полу и ударом ноги попробовал подсечь хозяина под щиколотку. Однако Эраст Петрович в последний момент отскочил-таки назад, да еще изловчился легонько стукнуть коротышку ребром ладони по уху.

– Попадание два!

Японец ловко вскочил на ноги и засеменил по комнате, описывая полукруг. Фандорин чуть переступал на месте, держа вывернутые ладони на уровне талии.

– Ах да, господин, я совсем забыл, – проговорил Маса, не прекращая двигаться. – Мне нет прощения. К вам час назад приходила женщина. Вся в черном.

Эраст Петрович опустил руки.

– Какая женщина?

И тут же получил удар ногой в грудь. Отлетел к стене, а Маса торжествующе воскликнул:

– Попадание раз! Немолодая и некрасивая. Одежда у нее была совсем черная. Я не понял, чего она хочет, и она ушла.

Фандорин стоял, потирая ушибленную грудь.

– Тебе пора бы научиться по-русски. Пока меня не будет, возьми словарь, который я тебе подарил, и выучи восемьдесят слов.

– Хватит и сорока! – возмутился Маса. – Вы мне просто мстите! И потом два слова я сегодня уже выучил: мираська, что означает «уважаемый господин» и китайтик – это по-русски «японец».

– Догадываюсь, кто тебя учил. Только не вздумай называть «милашкой» меня. Восемьдесят слов, я сказал, восемьдесят. В следующий раз будешь драться честнее.

Эраст Петрович сел перед зеркалом и занялся гримом.

Перебрав несколько париков, выбрал темно-русый, скобкой, с ровным пробором посередине. Опустил свои подкрученные черные усики, поверх приклеил пышные, посветлее, к подбородку прицепил густую бороду веником. Покрасил в соответствующий цвет брови. Подвигал ими туда сюда, надул губы, пригасил блеск в глазах, помял румяные щеки, развалился на стуле и вдруг, словно по мановению волшебной палочки, превратился в хамоватого охотнорядского купчика.

* * *

В восьмом часу вечера к немецкому ресторану «Alpenrose»[5 - «Альпийская роза» (нем.)] что на Софийке, подкатил лихач: пролетка лаковая, на стальных рессорах, у пары вороных гривы переплетены алыми лентами, спицы на колесах выкрашены охрой. Лихач оглушительно тпрукнул, да еще залихватски щелкнул кнутом.

– Просыпайся, ваше здоровье, доставили в лучшем виде!

Сзади, откинувшись на бархатном сиденье, похрапывал ездок – молодой купчина в длиннополом синем сюртуке, малиновом жилете и сапогах бутылками. На голове гуляки залихватски скособочился сияющий цилиндр.

Купец приоткрыл осоловелые глаза, икнул:

– К-куда?

– Куда заказывали, ваше степенство. Она самая «Роза» и есть.

Возле известного на всю Москву ресторана в ряд выстроились извозчики. Возницы смотрели на шумного лихача недовольно – раскричался, кнутом расстрелялся, только чужих лошадей напугал. Один извозчик, молодой парень с бритым, нервным лицом, в глянцевом кожане, подошел к баламуту и сердито напустился на него:

– Ты чё размахался? Не на цыганской ярманке! Приехал и стой себе как все! – А вполголоса прибавил: – Езжай, Синельников. Привез – и езжай, не светись. У меня тут коляска. Передай Евгению Осиповичу, всё по плану.

Купчик спрыгнул на тротуар, пошатнулся, махнул кучеру:

– Вали! Ночевать тут буду.

Лихач щелкнул кнутом и, по-разбойничьи присвистнув, покатил прочь, а загулявший охотнорядец сделал несколько неверных шагов и покачнулся. Бритый тут как тут – подхватил под локоток.

– Давай помогу, ваше степенство. Неровен час оступишься…

Заботливо взял под локоть, зашептал скороговоркой:

– Агент Клюев, ваше высокоблагородие. Вон моя коляска, с рыжей лошадкой. Буду на козлах дожидаться. У черного хода агент Незнамов. Точильщика изображает, в клеенчатом фартуке. Объект десять минут как прибыл. Прицепил рыжую бороду. Какой-то дерганый весь. И при оружии – подмышка оттопырена. А вот это его превосходительство велели передать.

Уже у самых дверей «извозчик» ловко сунул в карман купчине свернутый в осьмушку листок и, сняв картуз, низко поклонился, но на чай не получил и лишь досадливо крякнул, когда перед ним захлопнули дверь. Под насмешки возниц («Что, ухарь, сорвал двугривенный?») поплелся назад к пролетке и понуро влез на козлы.

Ресторан «Альпийская роза» вообще-то считался заведением чинным, европейским. Во всяком случае, в дневное время. В завтрак и обед сюда приходили московские немцы, как торговые, так и служилые. Кушали свиную ногу с кислой капустой, пили настоящее баварское пиво, читали берлинские, венские и рижские газеты. Но к вечеру скучные пивохлебы отправлялись по домам – подвести баланс по учетным книгам, поужинать да засветло на перину, а в «Розу» начинала стекаться публика повеселей и пощедрей. Преобладали все-таки иностранцы, из тех, кто легче нравом и при этом предпочитает веселиться не на русский, а на европейский лад, без пьяного крика и расхристанности. Русские если и заглядывали, то больше из любопытства, а с некоторых пор еще и для того, чтобы послушать, как поет мадемуазель Ванда.

Охотнорядец остановился в беломраморном фойе, икнув, осмотрел колонны и ковровую лестницу, швырнул лакею свой ослепительный цилиндр и поманил метрдотеля.

Первым делом сунул ему беленькую. Потом, обдав коньячным запахом, потребовал:

– Ты мне, немец-перец-колбаса, стол обеспечь, и чтоб не какой у вас так на так пустой простаивает, а какой мне пондравится.

– Народу много-с… – развел руками метрдотель, который был хоть и немец, но по-русски говорил на истинно московский лад.

– Обеспечь, – погрозил ему пальцем купец. – Не то забедокурю! И это, где тут нужник у вас?

Метрдотель пальцем подозвал лакея, и скандального гостя со всем почтением проводили в туалетную комнату, отделанную по последнему слову европейской техники: с фарфоровыми стульчаками, водосливом и обзеркаленными

умывальниками. Но Тит Титыч немецкими новшествами не заинтересовался, а, велев лакею дожидаться снаружи, вынул из кармана свернутый листок и, сосредоточенно нахмурившись, стал читать.

Это была расшифровка телефонного переговора.

2 часа 17 минут пополудни. Абонент 1 – мужского пола, абонент 2 – женского пола.

А1: Барышня, мне нумер 762… «Англия»? Здесь Георг Кнабе. Прошу позвать госпожу Ванду.

Голос (пол не определен): Сию минуту-с.

А2: Ванда у аппарата. Кто это?

А1: (Помета на полях: «С сего места всё по-немецки»). Я. Срочное дело. Очень важно. Скажите мне одно, делали ли вы с ним что-нибудь? Вы понимаете, о чем я. Делали или нет? Говорите правду, заклинаю!

А2: (после продолжительной паузы): То, что вы имеете в виду, я не сделала. Все произошло само. Но что с вами? У вас такой голос.

А1: Нет, правда не делали? О, благодарение Господу! Вы не представляете, в каком я положении. Это кошмарный сон.

А2: Я очень рада. (Одна фраза неразборчиво).

А1: Не шутите. Все от меня отвернулись! Вместо похвалы за проявленную инициативу – черная неблагодарность. И даже хуже. Может получиться так, что известное вам событие не отдалит конфликт, а наоборот, его приблизит – вот что мне передали. Но ведь вы ничего не сделали?

А2: Я же сказала: нет.

А1: А где склянка?

А2: У меня в нумере. И все так же запечатана.

А1: Я должен у вас ее забрать. Сегодня же.

А2: Я сегодня пою в ресторане и уйти не смогу. И так два вечера пропустила.

А1: Знаю. Я буду. Уже заказал столик. На семь часов. Не удивляйтесь – я буду замаскирован. Так нужно для конспирации. Захватите склянку с собой. И вот еще что, фрейляйн Ванда, в последнее время вы что-то много себе стали позволять. Смотрите, я не тот, с кем можно шутки шутить.

(А2, не отвечая, дает отбой.)

Стенографировал и перевел с немецкого Юлий Шмидт.

Внизу косым гвардейским почерком приписка:

«Не убрал бы он ее с перепугу, а? Е.О.»

* * *

Из туалета купчина вышел явно посвежевший. Сопровождаемый метрдотелем, вошел в залу. Обвел мутным взглядом столы с невозможной белизны скатертями, сплошь в сиянии серебра и хрусталя. Сплюнул на сверкающий паркетный пол (метрдотель только поежился) и наконец ткнул пальцем в стол (слава богу, свободный) возле стены. Слева – два богатеньких студента в компании заливисто хохочущих модисток, справа – рыжебородый господин в клетчатом пиджаке. Сидит, смотрит на сцену, потягивает мозельское.

Если бы не предупреждение агента Клюева, Фандорин нипочем не узнал бы герра Кнабе. Тоже мастер преображаться. Что ж, при его основной профессии это неудивительно.

В зале недружно, но с энтузиазмом зааплодировали. На невысокую сцену вышла Ванда – тонкая, стремительная, похожая в своем переливающемся блестками платье на волшебную змейку.

– Тоща-то, смотреть не на что, – фыркнула за соседним столом полненькая модистка, обиженная тем, что оба студента уставились на певицу во все глаза.

Ванда обвела залу широко раскрытыми сияющими глазами и без предварительных слов, без музыкального вступления, негромко запела – пианист-аккомпаниатор подхватил мелодию уже вдогонку и пошел плести легкие кружева аккордов вкруг низкого, проникающего в самое сердце голоса.

Зарыт на дальнем перекрестке

Самоубийцы труп в песок;

На ним растет цветочек синий,

Самоубийц цветок…

Там я стоял, вздыхая… Вечер

Все сном и холодом облек.

И при луне качался тихо

Самоубийц цветок.

Странный выбор для ресторана, подумал Фандорин, вслушиваясь в немецкие слова песни. Кажется, это из Гейне?

В зале стало очень тихо, потом все разом захлопали, а давешняя ревнивая модистка даже крикнула «браво!». Эраст Петрович спохватился, что, кажется, вышел из роли, но никто вроде бы не заметил неуместно серьезного выражения, появившегося на пьяной физиономии охотнорядца. Во всяком случае, рыжебородый, что сидел за столом справа, смотрел только на сцену.

Еще звучали последние аккорды печальной баллады, а Ванда уже защелкала пальцами, задавая быстрый ритм. Пианист, тряхнув кудлатой головой, скомкал концовку – обрушил все десять пальцев на клавиши, и публика закачалась на

стульях в такт разухабистой парижской шансонетке.

Какой-то русский господин, по виду из заводчиков, совершил странную манипуляцию: подозвал цветочницу, взял из корзины букетик анютиных глазок, и, обернув его сторублевой ассигнацией, послал Ванде. Та, не прекращая петь, понюхала букет и велела отослать обратно вместе со сторублевкой. Заводчик, до сего момента державшийся королем, заметно стушевался и два раза подряд выпил залпом по полному фужеру водки. На него почему-то поглядывали с насмешкой.

Эраст Петрович про свою роль больше не забывал. Немного повалял дурака: налил шампанского в чайную чашку, а оттуда в блюдце. Надувая щеки, отпил – совсем чуть-чуть, чтоб не захмелеть, но с громким хлюпаньем. Официанту велел принести еще шампанского («Да не ланинского, а взаправдышного, моэту») и зажарить поросенка, только непременно живого, и чтоб сначала принесли показать, «а то знаю я вас, немчуру, убоину с ледника подсунете». Расчет у Фандорина был на то, что живого поросенка искать будут долго, а тем временем ситуация так или иначе разрешится.

Замаскированный Кнабе косился на шумного соседа с неудовольствием, но большого интереса к нему не проявлял. Резидент четырежды доставал брегет, и видно было, что нервничает. Без пяти минут восемь Ванда объявила, что исполняет последнюю песню перед перерывом и затянула сентиментальную ирландскую балладу о Молли, не дождавшейся милого с войны. Кое-кто из сидевших в зале утирал слезы.

Сейчас допоет и подсядет к Кнабе, предположил Фандорин и изготовился: упал лбом на локоть, словно бы сомлев, однако прядь с правого уха откинул и, согласно науке о концентрации, отключил все органы чувств кроме слуха. Так сказать, превратился в правое ухо. Пение Ванды теперь доносилось словно бы издалека, зато малейшие движения герра Кнабе отдавались с особенной ясностью. Немец сидел беспокойно: скрипел стулом, шаркал ногами, потом вдруг застучал каблуками. Эраст Петрович на всякий случай повернул голову, приоткрыл глаз – и вовремя: успел увидеть, как рыжебородый бесшумно выскальзывает в боковую дверь.

В зале грянули аплодисменты.

– Богиня! – крикнул растроганный студент. Модистки громко хлопали.

Тихая ретирада герра Кнабе коллежскому асессору очень не понравилась. В сочетании с маскарадом и фальшивой фамилией это выглядело тревожно.

Купчик резко встал, уронил стул и доверительно сообщил веселой компании за соседним столом:

– Облегчиться приспичило. – И, слегка покачиваясь, пошел к боковому выходу.

– Сударь! – подлетел сзади официант. – Туалетное помещение не там.

– Уйди. – Не оборачиваясь отпихнул его варвар. – Где жалаем, там и облегчаемся.

Официант в ужасе застыл на месте, а купец, широко ступая, зашагал дальше. Ах, нехорошо. Торопиться надо. Вот и Ванда уж со сцены за кулисы упорхнула.

Перед самой дверью возникло новое препятствие. Навстречу капризному клиенту несли отчаянно визжащего поросенка.

– Вот, как заказывали! – гордо предъявил свой трофей запыхавшийся повар. – Живехонек. Прикажете жарить?

Эраст Петрович посмотрел в наполненные ужасом розовые глазки поросенка и вдруг пожалел бедного малютку, родившегося на свет лишь для того, чтобы угодить в брюхо какого-нибудь обжоры.

Купец рявкнул:

– Мал ишшо, пущай жир нагуляет!

Повар обескуражено прижал к груди парнокопытное, а самодур, ударившись о косяк, вывалился в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

7 июля, пятница (фр.)

2

Дама с камелиями (фр.)

3

Идем, Маса. Кончено (яп.)

4

Недостаточно сильное высказывание (англ.)

5

«Альпийская роза» (нем.)

Купить: https://tellnovel.com/boris-akunin/smert-ahillesa-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити